

13 сентября 2017 года кафедрой «Управление развитием образования» Омского государственного педагогического университета и редакцией журнала «Омский научный вестник» был проведен круглый стол «Вопросы противодействия экстремистской идеологии и террористической деятельности в Российской Федерации».

В работе круглого стола приняли участие доктор исторических наук, профессор С. В. Новиков; кандидат педагогических наук, доцент кафедры Н. А. Ждан; кандидат исторических наук, доцент кафедры О. А. Кирьяш; старший преподаватель кафедры К. В. Трофимов; преподаватель Омского автобронетанкового инженерного института М. С. Новиков и кандидат исторических наук, доцент Лужского филиала ЛГУ им. А. С. Пушкина Е. А. Кошечкина.

В начале работы круглого стола заведующий кафедрой «Управление развитием образования» С. В. Новиков рассказал об участии преподавателей кафедры в реализации дополнительных профессиональных образовательных программ повышения квалификации для муниципальных служащих Омской области: «Реализация государственной национальной политики в РФ» и «Государственная национальная политика и практика регулирования межэтнических и межнациональных отношений на муниципальном уровне».

Проведение круглого стола стало составной частью деятельности кафедры по реализации программы «Гражданское население в противодействии распространению идеологии терроризма», реализуемой в вузе в контексте противодействия экстремизму, терроризму и сепаратизму посредством образования и воспитания в современном обществе.

Обсуждение проблемы развернулось в двух направлениях. Первое направление — противодействие экстремизму, терроризму и сепаратизму посредством образования и воспитания в современном обществе. В дебатах приняли участие С. В. Новиков, О. А. Кирьяш, Н. А. Ждан, М. С. Новиков. Второе направление — правовая составляющая противодействия экстремизму и обеспечение кибербезопасности. В дебатах приняли участие Е. А. Кошечкина, К. В. Трофимов, С. В. Новиков.

Редакция журнала публикует научные статьи, выполненные авторами по материалам состоявшегося круглого стола.

Омский государственный
педагогический университет,
г. ОмскОмский автобронетанковый
инженерный институт,
г. Омск

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ФОНЕ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Изменения в последние десятилетия геополитической картины мира породили новые политические реалии. Среди этих реалий: падение уровня жизни, миграции, рост террористических организаций и актов экстремизма. Политические силы, действующие на пространстве бывшего СССР, различны и даже враждебны друг другу, но при разнообразии программ результат их деятельности грозит территориальной целостности Российской Федерации и ведет к противостоянию со странами Европы и США. Новой геополитической реальностью стала гибридная война.

Ключевые слова: ИГИЛ, мусульмане в России, русские националисты, Средняя Азия и Казахстан, антитеррористическая деятельность.

Контуры ныне существующей геополитической картины мира наметились в середине 1970-х гг. и были обусловлены такими факторами, как:

— завершение после «революции гвоздик» (Португалия, 1974 г.) распада колониальной системы и переход стран Запада (богатый север) к новым формам и методам удержания освободившихся стран в зависимом положении;

— рост религиозных настроений в традиционно исламских регионах;

— начало кризиса в странах социалистической системы и её распад;

— обозначившееся планетарное противостояние «севера» и «юга», «бедных» и «богатых» регионов/стран [1, с. 138, 141 – 142, 143].

Ликвидация в 1991 г. СССР и отказ её многонациональной элиты от социально-экономического строя, советской политической системы:

— поставила точку на 50-летнем противостоянии двухполюсной американо-советской борьбы за мировое господство, оставив США единственной действительной мировой державой;

— вызвала шок у сторонников социалистической модели развития экономики и породила политическую нестабильность в России и далеко за её пределами;

— расчистила путь для развития вызревавших на огромных территориях планеты процессов, организации новых межгосударственных сообществ [2, с. 17, 21].

После 2012 г. российское руководство активизировало внешнеполитическую деятельность, пытается отстоять национальные интересы страны. США,

как главный оппонент Российской Федерации, старались ограничить её деятельность на постсоюзном пространстве, выводя из сферы её влияния на западе — Украину, а на востоке — Узбекистан. Без них кажется мало возможными как Союз славянских республик, так и интеграция стран Средней Азии [2, с. 231 – 232, 239].

На восточном направлении российская внешняя политика столкнулась с исламским фактором. Возвращенные спецслужбами США для борьбы в Афганистане исламисты претерпели за прошедшие годы многочисленные мутации. Перестройка и распад СССР открыли для них ареал деятельности в его бывших республиках. Ранее отрезанная от мусульманского мира политическая элита и население Средней Азии неразборчиво отнеслись к потоку литературы, среди которой было немало сочинений радикалов, и к получению грантов на образование. Например, в 1992–2008 гг. 2200 молодых людей из Таджикистана поступили в различные учебные заведения исламских стран, из них лишь 650 человек официально были направлены на учебу.

После распада СССР в Центральной Азии стали появляться исламские политические организации радикального толка, в становлении которых немалую роль сыграли внешние силы. В Узбекистане в этот период возникли: «Адолат», «Ислом лашкарлари», «Таблих», «Товба», «Нур» и др. Действовали они в основном в Наманганской, Андижанской и Ферганской областях. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) было создано в 1996 г. Оно ставило задачу вооруженного свержения существующего советского режима и построение в стране

исламского государства. К концу 1990-х гг. ИДУ все в большей мере стало ориентироваться на использование насильственных, террористических методов борьбы. Организация сохранила те черты, которые были характерны еще для первых исламистских групп Ферганы (в частности, «Адолат»), что неудивительно, так как ИДУ было создано теми, кто стоял у их истоков.

В Таджикистане к началу 1990-х гг. включилась в политическую жизнь Партия исламского возрождения Таджикистана, ставшая главной силой оппозиции, развязавшей гражданскую войну. После достигнутого там национального примирения, боевики ИДУ переместились в Афганистан, но использовали таджикскую территорию для вторжения в Кыргызстан и далее в Узбекистан, где пытались развернуть боевые действия [3, с. 29].

В 1990-е гг. в Средней Азии начала действовать Хизб ут-Тахрир аль-Ислами (ХТИ). Она была создана в Палестине в начале 1950-х гг. Провозглашенные ею цели борьбы с сионизмом после распада СССР не могли кого-то заинтересовать в постсоюзной Центральной Азии. Как следствие, программа ХТИ мутировала, поставив целью — создание исламского халифата.

Идея халифата не воспринимается в Центральной Азии как абстрактная. Исламисты не признают национальной и клановой замкнутости, таможен, сильных правительств. А для людей, уставших от противоборства кланов, которых границы отторгли от родных и близких, лишили привычных занятий, лозунг единого мусульманского пространства привлекателен как желаемая и реальная альтернатива. Не отпугнула население даже привязка ХТИ к политическим реалиям Ближнего Востока. Если первоначально ХТИ находила сторонников в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане (в двух последних республиках это преимущественно узбеки), то в дальнейшем ее влияние распространилось и на Казахстан [3].

Ситуацию в этом приграничном государстве следует рассмотреть отдельно. В Казахстане исторически отсутствовала практика строгого соблюдения каноничности мусульманской веры. В период позднего СССР и после обретения республикой независимости было модно говорить об его «особом пути ислама». Однако между приверженцами «особого пути ислама» и молодежью, получившей религиозное образование в странах Ближнего Востока, обнаружилось непонимание, ставшее отчасти конфликтом отцов и детей.

Около 30 лет религия в Казахстане выступает в качестве этнокультурного идентификатора. Это подтверждается результатами опроса, проведенного казахстанским исследователем Г. Балаевой: 63 % опрошенных отнесли себя к исламу, 24,2 % — к православию, 1,4 % — к католицизму и 0,2 % — к протестантизму. Соотношение мусульман и православных соответствует соотношению казахов и представителей славянских этносов [4].

Наличие Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК) не гарантировало единства в среде мусульман. Так, в 1997 г. в стране действовало более 5 000 мечетей, но были зарегистрированы не более 15–20 %, а к 2009 г. ДУМК были подчинены только 2 500 из них. Количество мечетей, неподотчетных ДУМК, указывает на несогласие части мусульман с его руководством. Помимо мечетей, уже в 2003 г. в Казахстане действовало 1652 исламских объединения, подавляющее большинство

которых (1642) — суннитского толка. Основной тенденцией в развитии этнополитической ситуации в Казахстане является исламизация. Картина выглядит следующим образом: на западе получил развитие салафизм, умеренные в религиозном смысле регионы — это Северный, Восточный и Центральный Казахстан [5, с. 58].

Если в первые годы независимости властям приходилось иметь дело с чеченцами и дагестанцами, а также с салафитами из числа узбеков и уйгуров — членами Исламского движения Восточного Туркестана, «Хизб ут-Тахрир» и др. военизированных сект, то начало XXI в. ознаменовалось вовлечением в противостояние казахов. Одним из распространителей идеологии джихадизма на постсоветском пространстве был С. Бурятский, убитый в марте 2010 г. российскими спецслужбами. Он не раз бывал со своими лекциями в Казахстане.

Весной 2011 г. в Алматы произошло столкновение группы религиозных экстремистов из числа казахов со спецотрядом МВД. Таким образом, казахи, прежде отличавшиеся толерантным отношением к различным религиям, были вовлечены во всякого рода крайние религиозные течения. В Западном Казахстане много приверженцев «джихадизма» — радикального течения, рассматривающего вооруженную борьбу как основную форму деятельности. Джахадизм распространился в регионе в силу географической близости к Северному Кавказу, являющемуся одним из его центров. Зарядившись идеями джихадизма, молодые казахстанцы потянулись на Северный Кавказ, где, по их мнению, идет создание государства «Исламский Эмират Кавказа» [5, с. 63–64].

К этнополитическому фактору прибавился финансово-экономический. С 2009 г. в Казахстане начал действовать исламский Банк Al Hilal, открылся первый Инвестиционный фонд, предоставляющий средства для открытия собственного бизнеса, приобретения жилья и т.д. на принципах исламского финансирования. Отношения государства к этому процессу неоднозначно. Деятельность подобных финансовых структур неминуемо ведет к дальнейшему распространению различных направлений ислама, но, решая задачи привлечения инвестиций, президент Н. А. Назарбаев поставил задачу — к 2020 г. создать региональный центр исламского банкинга в Алматы. В инвестировании участвуют ОАЭ, Малайзия и др. мусульманские страны. Например, правительство Абу-Даби еще в 2011 г. заявляло о намерении инвестировать в Казахстан 1 млрд долл. [5, с. 67–68].

В России последователи ислама проживают практически во всех субъектах Федерации и принадлежат к 40 этносам. Их количество колеблется в пределах 12–20 млн человек и может составлять от 8 до 12 % населения. Применительно к Российской Федерации можно говорить о трех составляющих исламизации: население, исторически проживающее в стране; выходцы из бывших республик Средней Азии и Казахстана и новообращенные.

Исторически мусульманская культура представлена на территории Северного Кавказа, Поволжья, Урала, Западной Сибири. Наиболее крупной является диаспора, проживающая в Приволжском федеральном округе, состоящем из: республик — Башкирии, Татарстана, Чувашии, Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, Пермского края; областей — Кировской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской.

Здесь проживает около 40 % мусульман России. В Башкирии — 54,5 %, в Татарстане — 54 %, в Оренбургской области — 16,7 %, в Ульяновской — 13 % [6, с. 78].

Уместно вспомнить, что начало возрождения ислама совпало с ростом миграций, вызванных вооруженными конфликтами на окраинах России, а главным образом социально-экономическими проблемами: безработицей, низким уровнем жизни, отсутствием карьерного роста и т.д. К концу 1990 — началу 2000-х гг. во многих российских городах сложились крупные, экономически активные и устойчивые диаспоры выходцев из регионов традиционного распространения ислама Азербайджана, Дагестана, Чечни, других суверенных государств и республик РФ. Когда острые моменты, связанные с возрождением ислама, казалось бы, были пройдены (разгром в 1999 г. мятежа ваххабитов в Дагестане, достижение мира в Чечне), на первое место вышли социальные проблемы, связанные с адаптацией мигрантов-мусульман и их сосуществованием с местным населением [7, с. 70].

Неэтнические, «русские мусульмане» — явление относительно новое. Но они являются одним из факторов радикализации ислама и, как следствие, увеличения преступлений экстремистской направленности. Это связано и с отторжением их российским обществом, придерживающимся православной культуры, и с возможностью «сделать карьеру» в экстремистской организации. Количество русских мусульман невелико, но оно растет. Например, в Красноярском крае в 2000 г. их было не более трех, в 2010 г. около 40, в 2014 г., по данным правоохранительных органов, порядка 80–100 человек, большинство из которых стало известно в результате своей активной деятельности, в том числе и экстремистской, а в 2015 г. — около 100 человек [8, с. 39–41].

После распада СССР, в середине 1990-х гг., мусульманский фактор являлся составляющим в геополитических конструктах, определяющих будущее России. Во-первых, от Федерации должны были отделиться окраинные мусульманские регионы, как-то: Чечня, Дагестан. Во-вторых, с точки зрения исламских лидеров Российская Федерация не представляла единого целого этногосударственного пространства. С их точки зрения, неправомерно созданная Оренбургская область рассекала исламские территории, отделяя Татарстан и Башкортостан от Казахстана. Реализация идеи привела бы к расщеплению РФ своеобразной «исламской подковой», поднимающейся из Казахстана по р. Иртыш к р. Обь и до Ледовитого океана.

Так, на месте единой и неделимой России в перспективе возникало несколько русских анклавов, как-то: «Уральская Республика» во главе с либералом Э. Росселем; Сибирь, на которую простирали интересы европейские государств или США; Забайкалье, зона интересов КНР.

Реализация идеи началась на историко-культурном и религиозном уровне, под наблюдением Гарвардского проекта и при поддержке грантов от Сороса; к ней приступила региональная элита, стремящаяся закрепить в Конституциях национальных субъектов РФ «приоритет титульной нации на территории» и называющая наведение конституционного порядка в Чеченской Республике авантюрой; её продвижению готовы были способствовать интернациональные по составу структуры, занятые перероской в Россию наркотиков [9].

Казалось, что после умиротворения в Чечне вопрос о распаде Российской Федерации снят. Но появляется ИГИЛ. По мнению аналитиков, её целью было — поставить под контроль Саудовской Аравии, Турции и Запада 20 миллионов суннитов арабского мира, а впоследствии направить их против Ирана. Это обеспечило бы защиту Израиля, закрыло палестинский вопрос, легализовало ИГИЛ на международной арене, превратило в выразителя интересов мусульман арабского мира [10, с. 37]. Но, судя по ситуации, сложившейся в последние 2–3 года, организация вышла из-под контроля.

Естественно, ИГИЛ представляет угрозу России, так как:

- на её стороне воюют граждане РФ и легко прогнозировать их отношение к этно-национальным и политическим реалиям России по возвращении;

- она создает законспирированные ячейки среди российских мусульман, распространяет на их базе идеологию терроризма и ведет вербовочную работу;

- в РФ ИГИЛ ищет «спонсоров», поддержку оппозиции и оружие.

В указанной ситуации кажется целесообразным обращение к русским национальным организациям — сторонникам целостности государства. Но анализ движения позволяет говорить о его однородности.

Так, представители Национально-демократического альянса (НДА) и один из их идеологов А. А. Широпаев считают, что границы Российского государства должны совпадать с границами локальной «нации» с существованием от 7 до 20 одних только русских республик ввиду этнической неоднородности русских. От нерусских территорий вообще предлагается отказаться, пойдя по пути «русского патриота» и националиста А. И. Солженицына, призывавшего при обустройстве России избавиться от «среднеазиатского подбрюшья» и первого президента России, выходца из номенклатуры КПСС, либерала и антикоммуниста Б. Н. Ельцина, готового раздавать суверенитет в любых объемах [11, с. 36–37].

В начале 2000-х гг. в ультраправой среде получили распространение идеи направления «sxe» («nazi-sxe»), выражающиеся в ведении здорового образа жизни ради сохранения генофонда «белой расы». Что было вызвано появлением представителей достаточно обеспеченной молодежи, которые занимаются тяжелой атлетикой, борьбой, боксом и карате. Размывание и уход в тень структур ультраправых группировок было компенсировано распространением основных принципов данной субкультуры в массах. Не последнюю роль в этом сыграл Интернет.

При этом ответ русских националистов на этническую преступность выглядит в целом предсказуемо. Последнее хорошо видно на примере убийства фаната футбольного клуба «Спартак» Егора Свиридова уроженцами Кавказа, произошедшего 6 декабря 2010 г. в Москве. В ответ на преступление волна негодования захлестнула не только столицу, но и другие крупные города России. В ночь с 9 на 10 октября 2013 г. в московском районе Бирюлево-Западное (Южный административный округ) в ответ на убийство местного жителя Егора Щербакова выходцем из Азербайджана начались столкновения на межэтнической почве. Примечательно то, что 11 октября 2013 г. фотография подозреваемого,

полученная с камеры наружного наблюдения, была опубликована на всех националистических сайтах и в социальных сетях [12, с. 142–143].

Но даже в данных случаях речь не идет о сохранении единства России. Среди русских националистов тема отделения Северного Кавказа обсуждается давно и преимущественно сочувственно. У лидеров идея осознается как очень проблематичная в реализации и потому не афишируется. Вместо неё был выдвинут единодушно поддержанный лозунг «Хватит кормить Кавказ!», означающий требование прекратить прямую и косвенную поддержку региона из федерального бюджета. Лозунг широко используется в надежде достучаться наконец до умов обычных ксенофобно настроенных граждан [13, с. 6–7].

Отдельно следует отметить контакты русских и украинских националистов. Так, 23 марта 2014 г. сначала в сети Facebook, а затем практически на всех российских ультраправых сайтах появилось обращение бойцов «Белого Молота», «Правого Сектора» и части сотни «Самообороны Майдана» к русским националистам. В обращении говорилось, что, несмотря на революцию, по сути, власть не поменялась, просто одни олигархи сменили других. По их мнению, правительство Украины — ставленники Запада, представляющие собой клан еврейских проамериканских олигархов, которые специально стравливают между собой украинцев и русских.

Примечательно, что президента РФ В. В. Путина и членов его правительства они также причисляют к этим олигархам. Более того, украинские националисты, кричавшие: «Русских — на ножи!», вдруг вспомнили: «Руссе наши братья, и мы потому принадлежим к единому Славянскому племени!» [12, с. 143].

Но данное совпадение мнений должно вызывать тревогу, так как:

- отдельные представители русских националистов замечены на юго-западе Украины в рядах карательных батальонов;

- русские националисты, как и украинские, отметились в подготовке террористических актов на территории РФ;

- не только идеологические установки, но в ряде случаев деятельность представителей российской право-либеральной оппозиции, русских и украинских националистов имеют враждебную для РФ направленность.

Таким образом, США попытались создать геополитическую среду, которая благоприятствовала бы развитию суверенных соседей нашей страны в их интересах, заключающихся в дезинтеграции РФ. Ответом на вызов стали меры:

- по защите русского населения на Украине, включая принятие в состав РФ Республики Крым и Севастополя (18.03.2014 г.);

- возвращение в ближневосточную политику, подтвержденное военной операцией России в Сирии (26.08./30.09. 2015 г.);

- усиление взаимодействия со странами ШОС: Индией, Казахстаном, Киргизией, КНР, Пакистаном, Таджикистаном, Узбекистаном и наблюдателями: Афганистаном, Белоруссией, Ираном, Монголией (08.06.2017 г.).

Несомненно, реализация мер по снижению геополитической угрозы РФ — процесс сложный, включающий в себя внутренние и внешние составляющие.

К внутренним необходимо отнести факторы, возникшие после отказа от социально-экономической системы, существовавшей в СССР, как-то:

- социально-экономическая дифференциация российского (не говоря о Средней Азии и Казахстане) общества на протяжении всего постсоюзного периода. Так, в 2000 г. значение коэффициента фондов по России в целом составляло 13,8, коэффициента Джини — 0,399, в 2007 — 16,8 и 0,422; в 2013 — 16,3 и 4196. Но официальная статистика не всегда отражает социальные феномены. Теневизация и криминализация экономики, обладает воздействием на показатели социоэкономической дифференциации. Таким образом, удельный вес населения, испытывающего состояние дезадаптации, составляет не менее трети [14, с. 157]. В этих условиях идеи создания всемирного или регионального халифата, победа «революции достоинства», в какой либо редакции и т.п. ведут к усилению экстремистских настроений;

- система образования, не способствующая воспитанию общероссийской идентичности, с учетом региональных и национальных особенностей. Идеологическая дезориентация обусловлена имитацией реально отсутствующей воспитательной работы в образовательных учреждениях (особенно в вузах), разрушением ранее имевшей место системы воспитания молодежи на перспективу роста: семья — школа — вуз — работа. Между тем для большинства людей полученное образование традиционно являлось не только главной социокультурной опорой, гарантирующей приверженность гражданским ценностям, но и гарантией социального благополучия и карьерного роста;

- освободившаяся после отказа от коммунистической идеологии ниша не была занята традиционными для бывших советских республик религиями. Их представители не сумели создать на базе религиозных норм, сформировавшихся в СССР, религиозные доктрины, противостоящие веяниям из зарубежья.

К внешним составляющим можно отнести факторы, еще в 1980-е гг. относимые японскими учеными к «национальной силе» государства. Речь о возможности государства вносить свой вклад в международную экономическую, финансовую и научно-техническую сферу. Индекс способности выживания СССР в кризисных ситуациях был выше других стран, и составлял 119 %. Такая величина достигалась за счет благоприятного географического положения (206 %), численности населения (117 %), природных ресурсов (103 %), оборонной силы (100 % — паритет с США), дипломатическом факторе — 178 %. Экономическая сила в этом индексе оценивалась в 36 % от индекса США (100 %). Комплексный индекс СССР оценивался к началу перестройки как 77 % от американского при экономической силе в 30%, по вкладу в развитие науки и технологии 79 % и нулевом индексе финансовой мощи [15, с. 36–38]. После распада СССР ситуация не улучшилась. Этим можно объяснить как проевропейские и проатлантические реверансы «пророссийски настроенного» президента Украины В. Ф. Януковича, проамериканскую ориентированность каримовского Узбекистана и неудачные попытки Российской Федерации доминировать в ШОС.

В завершение следует обратить внимание на тот факт, что всевозможные революции последнего десятилетия, начавшиеся в качестве борьбы

за европейские ценности, завершались попытками прорыва к власти радикалов: мусульманских — Ливия, Египет, Сирия или неонацистских — Украина.

Библиографический список

- Новиков С. В. Развитие стран Востока: политическое, экономическое развитие, особенности менталитета (1918–2000) // Курс лекций по истории для непрофильных специальностей. Омск: ИП Макшеевой Е. А., 2013. С. 129–144.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы): пер. с англ. М.: Астрель, 2013. 702 с.
- Звягельская И. Д. Исламское возрождение в Центральной Азии: причины и игроки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-vozhrozhdenie-v-tsentralnoy-azii-prichiny-i-igroki-1> (дата обращения: 27.07.2017).
- Балаева А. Д. Этно-религиозная идентификация молодежи Казахстана: социологический аспект. URL: <http://pandia.ru/394237/> (дата обращения: 27.07.2017).
- Смагулов К. Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. Вып. 3. С. 53–73.
- Галихузина Р. Г., Марданшин М. М. Религиозный экстремизм на почве ислама в Приволжском федеральном округе // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 78–85.
- Булатов А. О. Российское государство и «внутренние» мигранты-мусульмане: тенденции взаимодействия и стратегии адаптации // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 68–77.
- Излученко Т. В. Неэтнические мусульмане как фактор радикализации ислама // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 2. С. 37–50.
- Московский комсомолец (МК, Омск). 1998. 3–10 сентября.
- Тесленко Е. С., Пеструилова Н. Н. Феномен «ИГИЛ» // Виктимология. 2015. № 1 (3). С. 34–39.
- Новиков М. С. К вопросу о классификации националистических идей и организаций в России. 1960–2000 гг. // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 34–37.
- Портнов А. А. Русские националисты улиц нового типа: новейшая история // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4. С. 141–144.
- Верховский А. М. Современное дискурсивное противостояние русских националистов и федеральных властей // Вестник общественного мнения. 2011. № 4 (110). С. 5–18.
- Реутов Е. В., Филонов Н. В. Факторы распространения молодёжного экстремизма в России // Научные ведомости. 2015. № 19 (216). С. 155–160.
- Вопросы региональной и национальной безопасности. Хрестоматия / Сост. С. В. Новиков. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2003. 160 с.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой «Управление развитием образования» Омского государственного педагогического университета.
НОВИКОВ Михаил Сергеевич, преподаватель кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины» Омского автобронетанкового инженерного института.
 Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.
 © С. В. Новиков, М. С. Новиков

О СОДЕРЖАНИИ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В статье сделан акцент на психолого-педагогическом аспекте решения задач профилактики проявлений терроризма в образовательных организациях общего образования. На основе анализа профессионального стандарта деятельности, федеральных государственных образовательных стандартов общего образования предпринимается попытка обосновать содержание программ подготовки учителя к профилактике проявлений терроризма на примере программ дополнительного профессионального образования. Выявлены содержательные направления таких программ, приведены примеры заданий, способствующих формированию необходимых знаний и умений как условия развитие компетентности учителя в области решения задач профилактики проявлений терроризма в школе.

Ключевые слова: террористическая деятельность, структура террористической деятельности, мотивы террористической деятельности, личностные характеристики террориста, профилактика проявлений терроризма, компетентность учителя в области решения задач профилактики проявлений терроризма.

Современному учителю помимо стратегической задачи эффективной реализации федеральных государственных образовательных стандартов общего образования постоянно приходится решать разнообразные тактические задачи, в том числе связанные с необходимостью регулирования отношений субъектов образовательного процесса между собой как непосредственно в образовательном процессе, так и за его рамками. Недостаточный уровень профессионализма педагога при решении этих задач является одной из причин повышения уровня негативных социальных явлений, роста антиобщественных проявлений со стороны детей, в том числе росту числа террористических актов, совершаемых несовершеннолетними в России.

На сайтах образовательных организаций общего образования можно обнаружить материалы, направленные на профилактику терроризма и экстремизма. Среди них разнообразные информационные материалы, в том числе статистические данные о террористических актах в мире в целом и России в частности; разработки соответствующих тематических мероприятий с учащимися и родителями, разнообразные целевые программы по профилактике экстремизма, этносепаратизма, укреплению толерантности и пр., методические рекомендации для педагогических работников по профилактике проявлений терроризма, экстремизма в образовательных организациях и пр.

Особое место среди этих материалов занимают разнообразные нормативные документы разных уровней управления по проблемам безопасности

жизнедеятельности и безопасности функционирования образовательных организаций. Так, на сайте известной сегодня всей России Ивантеевской СОШ в рубрике «Безопасность» представлен весьма внушительный перечень федеральных, региональных, муниципальных нормативных актов, методических рекомендаций, писем органов управления, направленных на обеспечение безопасной среды образовательной организации — порядка 60 ссылок! Заслуживает внимания и положение об антитеррористической группе образовательной организации, которая, исходя из перечисленных задач, осуществляла (должна была осуществлять) ряд конкретных действий, направленных на профилактику терроризма. Среди них: анализ информации о состоянии терроризма и тенденциях его развития; координация деятельности образовательного учреждения с органами исполнительной власти и силовыми ведомствами, осуществляющими борьбу с терроризмом; планирование и осуществление мероприятий, направленных на противодействие терроризму и обеспечение безопасности жизнедеятельности образовательного учреждения. К сожалению, все это на практике не обеспечило необходимый уровень эффективности профилактической деятельности в этой школе.

Анализируя произошедшую трагедию, представители органов власти, психологи, психиатры, криминалисты называют различные причины, в том числе негативное влияние подробного освещения в СМИ криминальных инцидентов и происшествий; недостаточное внимание к детям со стороны

родителей; отсутствие в школах знаний по медицинским картам, дефицит школьных психологов и пр.

Соглашаясь с точкой зрения сенатора Елены Мизулиной на необходимость комплексного решения проблемы профилактики, с которой «...надо разбираться, «системно», привлекая к ее решению детских психологов, правоохранительные органы, профильные ведомства и саму молодёжь» [1], остановимся на психолого-педагогическом аспекте профилактики проявлений терроризма в образовательной организации. Уполномоченный по правам ребенка Московской области Ксения Мишонова особо отметила, что трагедия в Ивантеевке является «поводом пересмотреть всю систему образовательного процесса, взаимодействия родителей, детей и педагогического состава, ... пересмотреть подход к ученикам как личностям» [2].

Модель личностно ориентированного образовательного процесса всегда рассматривалась в отечественной педагогике как одна из базовых ценностей. Однако ее полномасштабная реализация стала возможна только с 2011 г., когда во всех российских школах начался обязательный переход на федеральные государственные образовательные стандарты. Помимо требований к уровню освоения предметных результатов (традиционно представляемых в формате «должен знать», «должен уметь»), в стандартах нового поколения представлены личностные и метапредметные образовательные результаты и требования к ним, предусмотрено формирование различных видов деятельности на основе формирования и развития универсальных учебных действий, даны характеристики личности выпускника, так называемый «портрет выпускника» соответствующей ступени обучения [3–5].

Ключевой фигурой, способной обеспечить гибкое индивидуально-ориентированное обучение и воспитание в соответствии с требованиями современных образовательных стандартов, является педагог. По мнению разработчиков ФГОС общего образования, такой учитель должен владеть не только традиционными, но и принципиально новыми средствами организации образовательного процесса, и, в первую очередь, обладать новым педагогическим мышлением и уметь осуществлять педагогический процесс в контексте системно-деятельностного подхода [3–5].

Однако, несмотря на как минимум 7-летний опыт реализации новых стандартов в российских школах, говорить об освоении педагогами в полной мере необходимых умений и, тем более, принципиальном изменении мировоззрения учителя не приходится. Педагоги, большинство из которых получили общее и профессиональное образование в системе традиционного обучения (часто в противовес личностно ориентированному, его называют «личностно отчужденное»), присвоили ценности этой системы, стали ее частью и, что совершенно закономерно, воспроизводят в своей профессиональной деятельности именно эту систему, несмотря на требования ФГОС общего образования. В большей степени это характерно для учителей-предметников, работающих в основной и старшей школе и продолжающих реализовывать государственные образовательные стандарты, ориентированные на отдельные предметы. Именно на этих ступенях обучения реализация принципов личностно ориентированного подхода становится, по мнению психологов, особенно значимой, т.к. на первое место у подростков выдвигается

деятельность, связанная с общением. Учителя начальных классов, которые, по сути, непрерывно работают с одним и тем же ребенком в течение 4-х лет и которые в период с 2011 по 2017 гг. «успели» пройти цикл работы в новых условиях практически дважды, демонстрируют более высокий уровень компетентности в области применения принципов личностно ориентированного подхода. Таким образом, подготовка педагога, способного реализовать личностно ориентированную модель образовательного процесса как необходимое условие решения учителем современных профессиональных задач, в том числе и в области профилактики терроризма, является актуальной социальной проблемой.

Одним из путей формирования «личностно ориентированного учителя» является дополнительное профессиональное образование педагогических работников. Остановимся на некоторых характеристиках программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, на примере программ, направленных на развитие компетентности учителя в области профилактики проявлений терроризма в образовательных организациях.

Особую актуальность для личности учителя, способного к реализации личностно ориентированного образовательного процесса, приобретают трудовые действия, связанные с выполнением им воспитательной и развивающей функций (в профессиональном стандарте они интерпретируются как трудовые функции). К числу таких трудовых действий, направленных на понимание личности обучающегося, на организацию эффективного взаимодействия субъектов образовательного процесса, в том числе, при создании безопасной образовательной среды как важного условия профилактики проявлений терроризма, следует отнести:

- регулирование поведения обучающихся для обеспечения безопасной образовательной среды;
- проектирование ситуаций и событий, развивающих эмоционально-ценностную сферу ребенка (культуру переживаний и ценностные ориентации ребенка);
- оценку параметров и проектирование психологически безопасной и комфортной образовательной среды, разработка программ профилактики различных форм насилия в школе;
- применение инструментария и методов диагностики, оценки показателей уровня и динамики развития ребенка;
- освоение и адекватное применение специальных технологий и методов, позволяющих проводить коррекционно-развивающую работу и др. [6].

Формирование этих трудовых действий предполагает освоение учителем знаний и умений, соответствующих этим действиям и необходимых для их выполнения. Как показывает анализ профессионального стандарта, соответствующего деятельности учителя, основу этих действий должны составлять такие знания, как законы развития личности и проявления личностных свойств, психологические законы периодизации, кризисов развития и социализации личности, индикаторы и индивидуальные особенности траекторий жизни и их возможные девиации, приемы их диагностики и др. [6].

Рассмотрим более подробно те знания и умения, необходимые учителю для эффективной профилактики проявлений терроризма, которая возможна только в условиях личностно ориентированной модели образовательного процесса.

Как уже отмечалось ранее, одним из важнейших понятий ФГОС общего образования является понятие «деятельность», а методологической основой их реализации — системно-деятельностный подход [3–5]. Как показывают исследования российских психологов (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), протекание и развитие различных психических процессов существенно зависят от содержания и структуры деятельности, ее мотивов, целей, средств осуществления. Согласно базовой схеме А. Н. Леонтьева, в структуре любой деятельности присутствуют:

— мотив как предмет потребности человека, на удовлетворение которой направлена деятельность. Деятельности без мотива не бывает; «немотивированная» деятельность — это деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом. Мотив как предмет, удовлетворяющий потребность, обладает двумя функциями — побуждает к деятельности и придает данной деятельности особый личностный смысл;

— действие как элемент деятельности, процесс, подчиненный сознательной (промежуточной) цели. «Основными «составляющими» отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их действия. За счет осуществления цепочки действий достигается мотив, то есть осуществляется определенная деятельность;

— операция как первичная единица деятельности, представляющая собой задачу, данную в определенных условиях, и, решая которую, человек совершает действие. Как отмечает А. Н. Леонтьев: «Способы осуществления действия я называю операциями. Действия ..., соотносительны целям, операции — условиям» [7].

Безусловно, наиболее значимыми для учителя являются знания об учебной и учебно-познавательной деятельности и, соответственно, учебных, учебно-познавательных мотивах, действиях, операциях. Эта информация сегодня представлена во всех современных учебных пособиях, рекомендованных для подготовки педагогических кадров. В условиях необходимости реализации личностно ориентированной модели образовательного процесса данный подход следует применить и по отношению к другим видам деятельности, формирование которых предусмотрено ФГОС общего образования. Это — общественно полезная, проектная, учебно-исследовательская и др. виды деятельности [3–5].

В рамках рассматриваемой проблемы представляется перспективным использовать данный подход и по отношению к террористической деятельности, тем более что рассмотрение терроризма как деятельности осуществляется рядом современных исследователей в этой области: Д. В. Ольшанским, В. А. Сосниным, Т. А. Нестиком и др., и используются составителями учебных и учебно-методических пособий спецкурсов при подготовке по программам психолого-педагогической направленности, например [8]. Д. В. Ольшанский, характеризуя террор как особый вид деятельности, определяет ее основной (главный) мотив как утраченные других людей: «объективно, именно чужой страх, как мотив, движет действиями террориста и придает смысл всему его существованию». Исследователь перечисляет действия террориста, направленные на удовлетворение этого мотива: подготовку оружия, выслеживание жертвы, определение места совершения будущего террористического акта и т. д.; а также рассматривает отдельные действия как отдельные

операции. Например, «...подготовка оружия складывается из его выбора, приобретения, приведения в боевое состояние, проверки, оснащения боеприпасами, маскировки и т. д.» [9, с. 83–84]. Таким образом, в содержание программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогов по вопросам профилактики проявлений терроризма может быть включена информация о компонентах структуры террористической деятельности — мотивах, действиях, операциях.

Это не противоречит и требованиям профессионального стандарта деятельности [6], в соответствии с которым учитель должен обязательно уметь составлять психолого-педагогическую характеристику личности обучающегося, основой которой являются ее мотивы. Наиболее значимой, с точки зрения решения практических задач профилактики терроризма, представляется информация о мотивах террористической деятельности, а также информация о классификации этих мотивов, т.к. в реальной жизни, в любой деятельности, в том числе террористической, человек руководствуется не одним мотивом, а комплексом мотивов. Достаточно интересной в практическом аспекте представляется такая классификация, как ранжирование мотивов по частоте встречаемости, которое было выявлено Д. В. Ольшанским на основе исследования самоотчетов террористов [9, с. 86–87].

С учетом этой классификации и исходя из необходимости применения этих знаний на практике как обязательного условия их освоения учителем, педагогам, осваивающим программы ДПО, можно предложить такие задания:

— как Вы понимаете, что представляют собой меркантильные мотивы (идеологические мотивы; мотив преобразования, активного изменения мира; мотив своей власти над людьми; мотив интереса и привлекательности той и или иной сферы деятельности; мотив самореализации);

— объясните, каким образом в деятельности человека могут проявляться меркантильные мотивы (идеологические мотивы; мотив преобразования, активного изменения мира; мотив своей власти над людьми; мотив интереса и привлекательности той и или иной сферы деятельности; мотив самореализации);

— приведите примеры проявления меркантильных мотивов (идеологических мотивов; мотива преобразования, активного изменения мира; мотива своей власти над людьми; мотива интереса и привлекательности той и или иной сферы деятельности; мотива самореализации) в разных видах деятельности; в террористической деятельности.

Знание мотивов террористической деятельности может помочь педагогу при изучении мотивационной сферы обучающихся в целом, что выступает необходимым условием как реализации личностно ориентированного образовательного процесса, так и эффективности профилактической деятельности по проявлению терроризма.

Знание о действиях (операциях) при подготовке к террористическому акту, так как речь идет именно о профилактике проявлений терроризма, также могут помочь педагогу качественнее выполнять трудовые действия, обеспечивающие безопасность образовательного учреждения. К таким действиям, представленным в профессиональном стандарте, следует отнести: выявление в ходе наблюдения поведенческих и личностных проблем обучающихся; регулирование их поведения; определение четких

правил поведения; обеспечение принятия этих правил обучающимися и др. [6].

Задания, которые могут быть предложены педагогам при освоении дополнительных профессиональных программ, следует ориентировать на установление причинно-следственных связей между мотивами (группами мотивов) террористической деятельности и действиями (операциями), совершаемыми террористами. Для этого можно использовать описание конкретных террористических актов, которое представлено в СМИ, специализированной литературе, а также личные наблюдения педагогов за поведением обучающихся. Например, учителям можно предложить на основе анализа конкретной ситуации перечислить, какие действия совершал террорист на этапе подготовки к террористическому акту; предположить, какие действия может совершать террорист в случае присутствия у него определенного вида мотивов; перечислить действия подростка, которые могут свидетельствовать о подготовке к террористическому акту (участии в подготовке) и др.

Кроме знания мотивов, действий (операций) террористической деятельности, практический интерес для учителя могут представлять личностные характеристики террориста, так как умение составлять психолого-педагогическую характеристику (портрет) личности не ограничивается определением мотивов.

Выявление личностных характеристик террориста, по мнению ряда специалистов, является одной из самых сложных, до сих пор не разрешенных задач. Анализируя предлагаемые три психологические модели личности террориста: психопат-фанатик, фрустрированный человек, человек из ущербной семьи, — Соснин В. А., Нестик Т. А. отмечают, что непротиворечиво объясняя отдельные аспекты, эти модели тем не менее не объясняют проблемы террористической направленности личности в целом [10].

Обобщая результаты, полученные в рамках целевой программы эмпирических исследований личности террориста, осуществляемой Академией права и управления ФСИН России совместно с Институтом гуманитарного образования (на основе изучения личности осужденных террористов), Э. Л. Боднар приводит два варианта личностных характеристик. Условно эти разновидности личности составитель называет «модель агрессивного террориста» и «модель террориста по убеждениям» — идеологическим, политическим, религиозным [8, с. 40–41].

При освоении программ ДПО по профилактике проявлений терроризма, целесообразно познакомить учителей с этими характеристиками. Однако только запоминания личностных характеристик террориста недостаточно. В рамках осваиваемой дополнительной профессиональной программы педагогам следует предложить интерпретировать эти характеристики, высказать предположение о том, как будет проявляться в поведении та или иная личностная характеристика, сравнить ценностное отношение разных типов к себе, другим людям, обществу в целом и др. Перечисленные действия могут быть обеспечены выполнением учителем следующих заданий:

— объясните, каким образом в поведении проявляются следующие личностные характеристики: эгоцентризм, завышенная самооценка, морализаторство, пуританизм, рационализация и т.д.;

— опираясь на личностные характеристики, определите ценностные отношения агрессивного террориста (террориста по убеждениям) к самому себе (к другим людям);

— определите, в чем проявляется сходство (различие) ценностных установок агрессивного террориста и террориста по убеждениям.

Кроме этого, представляется интересным сравнить эти характеристики с личностными характеристиками выпускника, той или иной ступени обучения, представленной в соответствующем федеральном государственном образовательном стандарте, а также с личностными характеристиками конкретных обучающихся, выявить сходство и различие.

Таким образом, при разработке современных дополнительных профессиональных программ (повышения квалификации, профессиональной переподготовки) следует использовать системно-деятельностный подход, предусматривающий формирование у учителя представлений о существенных характеристиках деятельности, причем не только учебной и учебно-познавательной, но и учебно-исследовательской, проектной, общественно полезной и др. видов деятельности в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов общего образования. Это будет способствовать формированию у педагога нового мышления и реализации этим педагогом на практике идей личностно ориентированной образовательной парадигмы.

В свою очередь, включение в программы ДПО тем (модулей, дисциплин и пр.), направленных на ознакомление педагогов с психологической структурой террористической деятельности, мотивацией, действиями (операциями), личностными характеристиками террориста, является средством и одним из условий эффективной профилактики проявлений терроризма в образовательной организации.

Библиографический список

1. Мизулина прокомментировала ЧП в Ивантеевке // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/incidents/20170905/1501803188.html> (дата обращения: 06.09.2017).
2. Новые обстоятельства ЧП в Ивантеевке: о планах «стрелка» знали многие // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/incidents/20170906/1501924055.html> (дата обращения: 07.09.2017).
3. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: приказ Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. № 373. URL: <http://base.garant.ru/197127/> (дата обращения: 07.05.2017).
4. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (с изм. и доп.): приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897. URL: <http://base.garant.ru/55170507/> (дата обращения: 07.05.2017).
5. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (с изм. и доп.): приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413. URL: <http://base.garant.ru/70188902/> (дата обращения: 07.05.2017).
6. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: приказ Министерства образования и науки РФ от 18 октября 2013 г. № 544н. URL:

<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70435556/> (дата обращения: 28.04.2017).

7. Леонтьев А. Н., Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с. URL: <https://refdb.ru/look/1474213-pall.html> (дата обращения: 08.09. 2017).

8. Психология терроризма / Сост. Э. А. Боднар; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 76 с.

9. Олшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с. ISBN 5-94723-102-6.

10. Соснин В. А., Нестик Т. А., Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт

психологии РАН», 2008. URL: <http://iknigi.net/avtor-timofey-nestik/92897-sovremennyy-terrorizm-socialno-psihologicheskii-analiz-timofey-nestik/read/page-1.html> (дата обращения: 03.09. 2017).

ЖДАН Наталья Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Управление развитием образования».

Адрес для переписки: n_zhdan@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.

© Н. А. Ждан

УДК 159.9+614+93/94+323/324

О. А. КИРЬЯШ

Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

В данной статье представлена динамика причин, форм, методов, особенностей и проявлений терроризма начала XX—XXI вв. В тексте охарактеризованы основные модели поведения людей в условиях совершения террористического акта и их ошибки. В статье раскрываются специфические поведенческие проявления террористов-смертников при совершении террористической акции.

Ключевые слова: террор, терроризм, террористический акт, террористическая акция, поведение людей.

Терроризм, как явление, порожден не в нашем столетии, но, по мнению многих экспертов, станет «чумой XXI в.». Практика терроризма активно себя зарекомендовала начиная с 70-х XIX в., когда на исторической арене появились революционные народники, которые выдвинули индивидуальный террор как средство устранения и достижения поставленных целей. В «Катехизисе» революционера был определен основной круг людей, которые станут мишенью новой зарождающейся террористической волны: «прежде всего, должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такая, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство ... люди, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта... множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою ... государственные честолюбцы и либералы с разными оттенками ... доктринеры, конспираторы и революционеры в празднично-глаголющих кружках и на бумаге ... женщины, которых должно разделить на три главных разряда. Одни — пустые, обесмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться» [1]. Тактика точечного уничтожения людей была реализована. По большому счету у людей, выбранных в качестве жертв, шансов остаться в живых не было, дело было только во времени. «Начиная с октября 1905 года в Российской империи было убито и ранено 3611 государственных чиновников. К концу 1907 года это

число увеличилось почти до 4500 человек. Вместе с 2180 убитыми и 2530 ранеными частными лицами общее число жертв в 1905—1907 годах Гейфман оценивает числом более 9000 человек. По официальной статистике, с января 1908 года по середину мая 1910 года произошло 19957 террористических актов и экспроприаций, в результате которых было убито 732 госчиновника и 3051 частное лицо, при этом 1022 госчиновника и 2829 частных лиц были ранены» [2].

Практика индивидуального террора, которая была распространена во второй четверти XIX — начале XX вв. предполагала физическое устранение конкретных высокопоставленных людей, которые совершили конкретные преступления, однако в силу юридических коллизий понести законное наказание не могут. Конечно, при индивидуальном терроре были случайные жертвы, однако это было скорее исключение из правил, нежели правило.

В современных условиях индивидуальный террор постепенно вытесняется массовым террором, цель которого состоит в массовом запугивании людей, создании атмосферы всеобщей неустойчивости и дестабилизации. Массовый террор всегда сопряжен с огромным количеством невинных жертв. Помимо этого, современные исследователи подчеркивают, что современный терроризм обладает не только современным оружием, но и демонстрирует хорошую подготовленность террористических актов, усовершенствование деятельности многочисленных террористических группировок, увеличение финансовых и людских потоков в террористической сфере.

Как следует из Глобального рейтинга терроризма, в 2016 г. «исследование охватило 163 страны и 99,7 процента населения мира. Первые места в рейтинге с наибольшей опасностью терроризма заняли Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан и Сирия. Они дали 72 процента всех жертв терроризма. Общее количество жертв, погибших от рук террористов, составило 29376 человек» [3]. География терроризма за последнее время значительно расширилась. В число стран, где возросла опасность совершения террористических актов, вошли Франция, Турция, Саудовская Аравия, Кувейт. В первые пятнадцать стран по опасности террористических атак входят также Индия, Египет, Ливия, Украина, Таиланд. Украина, находясь на 11 месте, является сейчас наиболее опасной, с точки зрения терроризма, страной на территории СНГ. Россия в индексе терроризма находится на 30-м месте, сразу следом за Францией.

Динамика совершенных террористических актов в 2015 г., показывает, что их количество по сравнению с предшествующими периодами несколько не снизилось. «И хотя точных данных о количестве терактов и их жертв к настоящему времени не существует, тем не менее, по мнению экспертов, 2015 г. явился столь же «кровавым», как и 2014-й, с учетом того, что только боевиками ИГ были казнены более 5 тысяч мирных жителей» [4, с. 31].

Многие исследователи сходятся во мнении, что на сегодняшний день не имеет смысла говорить об одной главной причине распространения терроризма, это комплекс оснований, искоренить которые одному отдельно взятому государству невозможно. Это причины: политического, экономического, социального, конфессионального, криминального характера и др. Однако есть ученые, которые все же выделяют основные причины всплеска терроризма в современном мире. Д. В. Чухвичев считает главной причиной терроризма изменение господствующего в мире мировоззрения. Мир устал от войн, революций и всевозможных потрясений. Основной ценностью современного мира объявлена человеческая жизнь. «Экстремисты быстро поняли, что лучший способ оказать давление на правительство — это показать, что они могут поставить человеческую жизнь в опасность. Возможность совершения террористического акта вызывает в обществе тревогу и беспокойство, властные структуры обязаны незамедлительно восстановить спокойствие в обществе, даже идя на уступки» [5, с. 196].

Современный терроризм изменил не только форму, методы, но и проявления. Зачастую для террористов сам террористический акт является только средством для формирования в обществе состояния шока и паники. В этой ситуации важным звеном становятся СМИ, которые не только транслируют свершившиеся террористические акты, но формируют в обществе соответствующую атмосферу.

В ситуации, когда никто не застрахован от террористической атаки и нет абсолютно безопасного места, необходимо знать общие правила поведения в подобной ситуации. Исследователи выделяют несколько моделей поведения людей, которые стали заложниками в результате совершения террористического акта. Эксперты подчеркивают, что и заложники, и террористы испытывают состояние сильнейшего психологического шока, оно усугубляется неопределенностью и ожиданием смерти. В такой стрессовой ситуации поведение людей условно можно разделить на несколько групп.

«Героики» — люди, будучи заложниками и находясь в сильнейшем стрессе, переоценивают свои силы и возможности, считая, что могут самостоятельно решить проблему и справиться с террористами. Накопившийся гнев и отчаяние они пытаются выплеснуть на своих врагов. С другой стороны, проявления подобного поведения связаны со средствами массовой информации. Значительное число фильмов и сериалов, в которых обычные люди в подобной ситуации проявили себя с самой лучшей стороны. Проявления героизма в этой ситуации — не самое лучшее средство, т.к. террористы, сами находясь в стрессовой ситуации, не терпят никаких проявлений героизма. Как правило, с подобными «героями» происходит расправа на глазах у других заложников.

«Демонстративная покорность» — следующая модель поведения людей, которая свойственна в случае попадания в заложники. В ситуации жесточайшего стресса люди не просто покорно выполняют все требования заложников, а даже предвосхищают их действия, желая задобрить террористов. Демонстративная покорность может привести к тому, что человек может переступить тонкую грань между желанием остаться в живых и предательством. Такое поведение не означает, что человек будет принят в стан врага, но и свои тоже отвернется. Такая модель поведения также не гарантирует выживания.

«Пассивные наблюдатели» — модель поведения, которая также проявляется у людей, которые были заложниками. В ситуации стресса и отсутствия информации извне, люди впадают в состояние апатии и ступора, когда они ничего не могут изменить, но и информации из внешнего мира не поступает. Остается только пассивно и безвольно воспринимать существующую реальность.

Практически все исследователи подчеркивают важность сохранения познавательной активности. Это помогает не только в сложный период заложничества, но также помогает быстрее выйти из шокового состояния после освобождения. Длительное пребывание в плену может привести к появлению «стокгольмского синдрома» — симпатии к захватчикам. «Стокгольмский синдром чаще всего возникает, когда заложники находятся с террористами в контакте длительное время, он развивается примерно в течение 3–4 дней, а затем фактор времени теряет значение. Причем стокгольмский синдром относится к числу труднопреодолимых и действует довольно долго» [6], если отсутствует физическая расправа над заложниками, в ином случае «стокгольмский синдром» проходит очень быстро.

При огромном количестве совершенных террористических актов не только в России, но и в мире, одним из действенных средств предотвращения нападений и гибели людей, помимо деятельности спецслужб, является внимательность и бдительность обычных граждан. Однако современные реалии говорят об обратном, современный ритм жизни и модели поведения приводят к тому, что соседи не знают, кто живет рядом с ними, модные гаджеты полностью поглощают внимание молодежи, которая постоянно рискует быть сбитой на дороге. Погружение в современную реальность приводит к тому, что человек «живет» в собственном мире, не обращая никакого внимания на окружающих его людей и происходящие вокруг события.

В последнее время общественный транспорт становится объектом нападения террористов.

Для снижения риска попасть в поле зрения террористов следует избегать очень яркой и броской одежды, дорогих украшений, одежды военного покроя. В транспорте следует бодрствовать, по возможности внимательно следить за пассажирами. Не следует вступать в дискуссии относительно политической, конфессиональной, религиозной ситуации. Обращайте внимание на людей, находящихся вокруг. «Любые проявления неадекватности ситуации, повышенной настороженности, необоснованной нервозности и напряженности, признаки лживого поведения» [7]. Перечисленное является не прямым указанием на причастность личности к террористической деятельности, но однозначно является подозрительными признаками, на которые следует обращать особое внимание. В случае захвата транспортного средства террористами не следует привлекать к себе внимание демонстративным поведением и угрожающими речами, следует настроиться на то, что предстоит нелегкое психологическое и эмоциональное испытание, которое характеризуется, с одной стороны, страхом перед террористами, а с другой — страхом перед силовой операцией спецслужб. Специалисты советуют ни в коем случае не прикасаться к оружию террористов, т.к. в случае проведения освободительной операции Вас могут принять за террориста.

Целью террористов стал не только наземный, но и воздушный транспорт. Эксперты советуют туристам пользоваться услугами только проверенных авиакомпаний и перевозчиков, у которых хорошо отлажена система безопасности. По возможности летать на прямых рейсах и избегать пересадок. Не одеваться в броскую одежду и не вступать в споры на провокационные темы. В случае захвата воздушного судна специалисты советуют сохранять спокойствие, выполнять все требования захватчиков, не делать резких движений и не высказывать свое возмущение и негодование, не повышать голос. Постарайтесь занять себя — читать, писать, рисовать, наблюдать и др. Ваша познавательная активность поможет Вам выйти из шокового состояния с минимальными потерями. Информация, которую Вы сможете сообщить, может помочь правоохранительным органам и может кому-то спасти жизнь. Во время проведения штурма необходимо лечь на пол и дожидаться окончания операции.

События последних дней показывают, что террористические акты могут совершаться где и когда угодно. Террористы сделали ставку на нагнетание обстановки и создание атмосферы всеобщего подозрения и страха. Для этого они используют тактику устрашения обычных граждан. Примером могут служить события:

— 14 июля 2016 г. во Франции, когда водитель грузовика протаранил толпу людей, которые собрались на Английской набережной Ниццы, чтобы посмотреть фейерверк по случаю Дня взятия Бастилии. По данным очевидцев, грузовик, не останавливаясь, делая зигзаги, давил людей на протяжении почти двух километров набережной, нападавший также открыл стрельбу. Жертвами атаки стали 84 человека;

— 19 декабря 2016 г. грузовик протаранил ярмарку в центре Берлина, 12 человек погибли, 48 были госпитализированы;

— 22 марта 2017 г. в Лондоне произошел теракт: преступник ехал на машине по Вестминстерскому мосту и начал сбивать прохожих на тротуаре. Погибли около 40 человек, двое из них погибли;

— 7 апреля 2017 г. в центре Стокгольма на главной пешеходной улице города Дроттнингтан грузовик на большой скорости врезался в толпу пешеходов. Машина остановилась после того, как въехала в витрину одного из магазинов. Погибли как минимум двое, сообщалось о большом числе пострадавших [8].

Этот метод атаки в истории известен достаточно давно, его называют car-ramming или vehicle-ramming (таран автомобилем). Подобную тактику нельзя назвать новой, но в последние годы она стала особенно популярной у террористов. Эксперты, да и сами преступники заявляют, что эта тактика «на какое-то время стала эффективной <...> Машина — куда более доступное орудие убийства, чем самодельное взрывное устройство. Новый способ позволяет вовлечь в террористические преступления большое количество людей, которые могли никогда не контактировать ни с одной из исламистских группировок, но разделять их взгляды» [9].

Вследствие этого специалисты и спецслужбы разработали инструкции для поведения человека в толпе. В первую очередь, эксперты советуют без серьезных оснований избегать большого скопления людей. Это не означает, что необходимо отказаться от радостей жизни и ограничиться просмотром крупных событий по телевизору. Если такой возможности нет, то необходимо помнить, что любое скопление людей может стать объектом нанесения удара террористами. С другой стороны, ярмарки, праздники, спортивные соревнования могут привести к тому, что скопление людей может быстро перерасти в толпу, у которой своя собственная психология. Если такое обстоятельство случилось, то необходимо быстро выбраться из потока. Чем дольше оставаться внутри толпы, тем меньше шансов оттуда выбраться, и придется подчиняться ее правилам. Если давка в толпе принимает угрожающий характер, то нужно незамедлительно избавиться от предметов, которые могут привести к удушью: бусы, шарфы, сумки и др. Если в толпе обронили вещи, ни в коем случае нельзя их поднимать, поток сойдет с ног, и подняться будет очень сложно, это также сопряжено с переломом конечностей. И ни в коем случае не поддаваться панике, по возможности сохранять спокойствие. Но даже наличие огромного количества людей вокруг не должно усыплять бдительность и внимательность, необходимо остерегаться людей, у которых в руках большие сумки, пакеты, коробки, это могут быть потенциальные террористы-смертники.

В последнее время эксперты смоделировали портрет террориста и его предполагаемую модель поведения. Как правило, современный террорист пытается слиться с окружающей местностью. Однако поведенческие проявления могут выдать его намерения. Многие исследователи подчеркивают, что «характерными признаками террористов-смертников являются неадекватное поведение, неестественная бледность, некоторая заторможенность реакций и движений, вызванные возможной передозировкой транквилизаторов или наркотических веществ, желание уклониться от камер видеонаблюдения (попытка опустить голову, отвернуться, прикрыть лицо рукой или платком, спрятаться за более высокого человека)» [10]. Также должны вызывать подозрение люди, одетые не по сезону: плащи, куртки, под которыми могут прятаться взрывные устройства. Чисто выбритые мужчины-мусульмане, что может говорить о подготовке к обряду погребения.

Еще одной отличительной чертой является не очень хорошее ориентирование на местности. Однако необходимо помнить: как только террорист почувствует, что подпал под пристальное внимание, он может привести устройство в действие, и погибнет много людей. В этой ситуации необходимо как можно дальше держаться от подозрительного человека и обратить на него внимание специальных служб.

Несмотря на то, что на сайте ФСБ России в разделе «Советы профессионалов» размещены документы, касающиеся террористической угрозы, в том числе и инструкции, как вести себя в случае совершения террористического акта [11], как показывает практика, обычные граждане совершают ошибки в поведении при совершении террористических актов, что приводит к значительным жертвам. В этих условиях необходима глубокая и последовательная работа специальных служб по информированию населения страны не только о причинах терроризма, но и моделях поведения обычных граждан в столь непростых условиях, когда любой объект государства: политический, социальный, культурный может стать целью совершения террористического акта. В решении этой проблемы может помочь разработка практического пособия по противодействию терроризма в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Нечаев С. Г. Катехизис революционера. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm> (дата обращения 09.09.2017).
2. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. URL: <http://e-libra.ru/read/333632-revoljucionnij-terror-v-rossii-1894—1917.html> (дата обращения: 10.09.2017).
3. Согласно Глобальному индексу терроризма-2016 Туркменистан в числе самых безопасных стран мира. URL: [\[indeksu-terorizma-2016-turkmenistan-v-chisle-samyh-bezopasnyh-stran-mira.html\]\(http://infoabad.com/novosti-turkmenistana/soglasno-globalnomu-indeksu-terorizma-2016-turkmenistan-v-chisle-samyh-bezopasnyh-stran-mira.html\) \(дата обращения: 25.08.2017\).](http://infoabad.com/novosti-turkmenistana/soglasno-globalnomu-

</div>
<div data-bbox=)

4. Терроризм в современном мире / Под ред. А. П. Кошкина. М.: Изд-во РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. Вып. 5. 108 с. ISBN 978-5-7307-1092-4.
5. Медов М. У. Современный взгляд на причины терроризма // Бизнес в законе. 2014. № 5. С. 195—197.
6. Асямов С. Стокгольмский синдром: история появления и содержание термина. URL: <http://yurpsy.com/files/fakt/171.htm> (дата обращения: 02.09.2017).
7. Волынский-Басманов Ю., Тюфякова М. Социально-психологический портрет современного террориста. URL: http://www.bos.dn.ua/lib_art.php?aid=47 (дата обращения: 02.09.2017).
8. Терракты в Европе в 2015—2017 годах. URL: <https://ria.ru/spravka/20170322/1490610465.html> (дата обращения: 08.09.2017).
9. Борзенко А. Врезаться в людей на автомобиле — новая тактика террористов? URL: <https://meduza.io/feature/2017/03/23/terrorist-na-avtomobile-vrezalsya-v-lyudey-v-londone-do-etogo-takie-zhe-terakty-proizoshli-v-nitstse-i-berline-eto-novaya-taktika-terroristov> (дата обращения: 10.09.2017).
10. Как определить террориста-смертника. URL: <http://nepropadu.ru/blog/theory/9131.html> (дата обращения 10.09.2017).
11. Сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/supplement/advice.htm> (дата обращения: 09.09.2017).

КИРЬЯШ Оксана Андреевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Управление развитием образования».

Адрес для переписки: mml1982@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.

© О. А. Кирьяш

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ

Процессы глобальной информатизации привели к существенным трансформациям общества в XXI веке. Современный терроризм успешно использует новейшие технологические достижения человечества. Взятые на вооружение актуальные методики в области коммуникаций (социальные сети, SMM-работа, интернет-пропаганда и т.п.) позволяют расширять свою аудиторию во всемирной сети, осуществлять интернет-вербовки сторонников вне зависимости от их местонахождения, наполнять выгодным контентом медийное поле. В статье рассмотрены актуальные вопросы борьбы с проявлениями терроризма в глобальном информационном пространстве.

Ключевые слова: глобальное информационное пространство, сеть Интернет, кибертерроризм, киберпространство, ИГИЛ.

Как известно, XXI век — это век информационных технологий, ряд исследователей утверждает, что мы живем в эпоху перехода к так называемому «информационному обществу». Синонимов у него много, самый известный — «постиндустриальное общество», о котором впервые заговорил в 1959 г. Д. Белл. Однако большинство ученых употребляет термины, так или иначе связанные с распространением информации. Вот далеко не полный перечень терминов, которыми обозначают современный этап развития человечества. «Технократическое программированное общество» (А. Турен), «футурианское общество» (Р. Прехода), «активное общество» (А. Этциони), «электронное общество» (М. Моришима), «информационное общество» (Т. Умесао и Д. Лион, Г. М. Маклюэн, И. Масуда, Дж. Макгейл, А. Норманн), «экспериментальное общество» (Л. Сейкс, М. Фаин), «информационное общество», «сетевое общество» (М. Кастельс), «общество постматериальных ценностей» (Р. Инглехарт) и др. [1, с. 10].

Легко заметить, что большинство из них так или иначе связано с распространением информационных технологий. Даже уже упомянутый Д. Белл главной характеристикой «постиндустриализма» считал научные открытия и процесс технологизации, то есть на первое место даже в экономике выходит наука и информация, как главная движущая и производительная сила.

Современная жизнь просто пронизана информационными технологиями. Мало кто себе сейчас представляет жизнь без сети Internet. Масштабы произошедшей информационной революции представить сложно. Ведь за последние десятилетия все системы государства: от политической до транспортной оказались полностью зависимы от информационных технологий.

Обычные люди замечают удобство интернет-банкинга, покупок посредством ПК, возможность общения через глобальную сеть с теми, кто находится на огромном расстоянии от них, легкость нахождения любой информации на просторах

глобальной сети и пр. Но мало кто представляет себе, что, например, те же поставки электроэнергии, работа общественного транспорта, работа обычных бытовых служб на сегодняшний день напрямую связана с сетевыми ресурсами. Не говоря уже о государственных структурах. И в этом кроется основная опасность.

Удобство использования высоких технологий в разных отраслях жизни и деятельности общества провоцирует легкость нанесения ударов через глобальную сеть. И здесь уже речь идет о так называемом «кибертерроризме». Эта тема изучена на сегодняшний день недостаточно. Сложность представляет уже сам термин. Ведь теоретически можно считать кибератакой любое, пусть даже самое небольшое нападение на любой сайт в сети. Но нужно четко отличать тех, кто намеренно атаковал веб-страницу какой-либо компании или даже государственной структуры, таким образом высказывая свой протест, от деятельности группы, которая исповедует экстремистские взгляды и считается террористической, стремясь через глобальную сеть причинить как можно больший вред людям и окружающей среде.

Например, посредством Internet-ресурсов нарушив деятельность атомной электростанции или нефтяной платформы либо полностью парализовав работу транспорта и пр. Да, и в том, и в другом случае мы имеем дело с киберпреступлениями, подлежащими уголовной ответственности. Но последствия по масштабам несопоставимы, а следовательно, и ответ властей должен быть адекватным.

Кроме того, на сегодняшний день через глобальную сеть Internet легко формировать группы активистов, которые в дальнейшем могут совершать террористические атаки в реальной жизни. При этом заказчик может остаться неизвестным. Запрещенное во многих странах Исламское государство (ИГИЛ) последнее время сторонников набирает именно в сети, что требует отдельного рассмотрения и адекватного ответа, в первую очередь в законодательной области.

Современные террористические организации, подобные ИГИЛ, активно используют сетевые технологии. Поскольку на данный момент это наименее финансово затратный способ совершения терактов или подготовки к ним. Ведь для того, чтобы совершить кибератаку, которая приведет к серьезнейшим последствиям, либо сформировать действующую террористическую группу на территории конкретной страны (при этом находясь за много тысяч километров от нее), либо координировать действия нескольких террористических групп, достаточно иметь персональный компьютер и доступ в сеть Internet. Легкость совершения киберпреступлений и фактическое отсутствие уголовной ответственности — это главные причины динамичного развития кибертерроризма.

Существующие шаблоны позволяют за минуты создать собственный сайт, легко сменить его адрес в случае необходимости, либо поменять формат. Если обратиться к статистике, то можно заметить, насколько возросло количество киберпреступлений за последние годы. Если 20 лет назад лишь половина из террористических групп, которые были внесены в список террористических организаций, имели собственные страницы в сети Internet, то сегодня выбор террористических сайтов огромен. Вот лишь некоторые из них: «СендероЛуминосо» и «ТупакаАмару» (Перу), всем известное движение «Талибан», «Тамильское движение сопротивления», террористические организации стран СНГ, «Аль-Каида», «Хезболла», «Хамас», «Организация Абу Нидаля», «Черные Тигры» и многие другие фактически свободно пропагандируют свои взгляды, не говоря уже об использовании глобальной сети для нанесения ударов по объектам национальной инфраструктуры.

Об использовании социальных сетей «ВКонтакте», «Инстаграмм», «Твиттер», «Одноклассники» и пр. для привлечения сторонников и вербовки потенциальных исполнителей терактов написано уже множество научных статей [2, с. 198–200].

Причины интереса террористических организаций к социальным сетям достаточно просты. И речь идет не только о легкости контактов вне границ, но и о таких факторах, как возможность осуществлять работу в разных направлениях, например, адресное, точечное воздействие. Либо, напротив, производить широкую безадресную работу на все возможные аудитории. Особенно легким представляется путь воздействия на молодежь. Поскольку в социальных сетях присутствуют в открытом доступе личные данные и даже сфера интересов, то легко делать целенаправленное распространение материалов с точечным воздействием, рассчитанным на конкретную целевую аудиторию. А молодые люди до 18 лет представляют собой особую группу ввиду неустойчивости психики и легкости внушаемости. Поэтому продвижение идей терроризма, экстремизма, религиозного фанатизма среди молодежи становится возможным именно через социальные сети.

Кроме того, социальные сети позволяют учесть такой немаловажный компонент, как национальность целевой аудитории. И пропаганда в каждом конкретном регионе посредством глобальной сети Internet идет с учетом национальной и культурной специфики. Последнее время запрещенная в России группировка ИГИЛ ведет свою подрывную деятельность в сегменте социальных сетей стран СНГ, полностью используя региональные особенно-

сти проживающих на данной территории народов. Главной целью, по признанию специалистов, является склонение граждан конкретных стран СНГ к принятию радикальных взглядов и выезду в Сирию для участия в боевых действиях на стороне Исламского государства.

И работа террористических организаций в сети более чем эффективна. По данным Национального антитеррористического комитета России в 2016 г. только на территории нашего государства были обнаружены почти 30 тысяч интернет-ресурсов экстремистского и террористического толка [3].

Уже упомянутое Исламское государство на сегодняшний день владеет медийными компаниями, которые сумели охватить огромную аудиторию. А начинались их медийные проекты с видеороликов очень плохого качества основателя ИГИЛ. Но их ставка на инновации сделала свое дело. Охват целевой аудитории в социальных сетях, в первую очередь в Твиттере и Фэйсбуке, проникновение в программы для мгновенного обмена сообщениями — Telegram и Surespot, множество интернет-сайтов экстремистского содержания. При этом нет единого медиа-центра, действует политика эффективной децентрализации, то есть существует множество автономных друг от друга медиа-групп, охватывающих огромную территорию: от Африки до Северного Кавказа.

Согласно исследованиям, только в 2015 г. ежедневно ИГИЛ производила наполнение медиаконтента, включая видеоролики, документальные фильмы, фотоколлажи, музыку (в целом порядка 40 единиц в день). То есть все то, что активно потребляется пользователями глобальной сети.

Исламское государство использует все возможные маркетинговые ходы и следит за инновациями в медиасфере. Создатель ИГИЛ начинал с видеороликов о собственных зверствах, но сегодня лишь небольшой процент материалов содержит данные, связанные с жестокостью. Большинство медиа-проектов ИГИЛ направлены на пропаганду улучшения инфраструктуры, развитие экономики, культуры, религии. Естественным, при условии прихода к власти сторонников Исламского государства. Подобная пропаганда направлена на то, чтобы убедить неопытных в стабильности Исламского государства и его эффективном развитии.

Кроме того, ИГИЛ впервые за все существование террористических организаций в сети Internet пошла на беспрецедентный шаг — провозгласила максимальную открытость организации. В отличие от Аль-Каиды, ИГИЛ не стала контролировать собственные группы в социальных сетях, отдав их на откуп частным лицам, которые формально не были никак связаны с Исламским государством. В результате подобной политики ИГИЛ превратилось в «модный бренд», подогреваемый средствами массовой информации.

Кроме того, нацеленность на рядовых «зрителей» дает ИГИЛ возможность конкурировать с модными медиа-проектами современности. Медиа-стратегия Исламского государства построена с учетом стремления мира современных технологий к прозрачности. Больше нет секретности и закрытых арабоязычных форумов, есть открытые действия в рамках самых знаменитых интернет-проектах, то есть полная публичность.

При этом нужно сказать, что официальные каналы противодействия оказываются неэффективными. Например, власти США уже год назад признали

низкую степень эффективности противодействия ИГИЛ в социальных сетях. По данным госдепартамента США необходимо полностью пересматривать систему работы, поскольку террористы ИГИЛ более креативны и одерживают победу в информационной войне [4, с. 131–134].

Почему система мер, предпринимаемых властями разных стран, оказывается малоэффективной? В первую очередь, дело в том, что проблема кибертерроризма является недавней.

Даже сам термин «кибертерроризм» относительно молодой. Впервые его употребил в 1980 г. Б. Коллин, являвшийся одним из специалистов Института Безопасности и Разведки (США, Калифорния). Применяя этот термин, он хотел обозначить возможность террористических атак в киберпространстве. Вслед за ним уже специалисты Федерального бюро расследований США определили кибертерроризм как преднамеренные действия, обусловленные политическими мотивами, а именно специальные атаки на информационные компьютерные системы, компьютерные программы и данные. При этом оговаривалось, что данные действия сопровождаются насилием по отношению к гражданским лицам, либо действия кибертеррористов приводят к значительному ущербу среди гражданского населения.

Таким образом, под кибертеррористические атаки теоретически подпадают и акты кибертеррористов, которые приводят, например, к экономическим трудностям или отключению электроэнергии, водоснабжения и пр. [5].

Современные российские исследователи дают почти аналогичные определения явлению «кибертерроризма». Так, например, Ф. А. Усилинский под кибертерроризмом понимает действия, выражающиеся в преднамеренной, политически мотивированной атаке на информацию, обрабатываемую компьютером и компьютерными системами, создающие опасность для жизни или здоровья людей или наступления других тяжких последствий, если такие действия были содеяны с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения, провокации военного конфликта [6, с. 8]. Практически аналогичные определения можно найти у таких авторов, как А. А. Паненков, М. А. Ефремова и др. [7, с. 11; 8, с. 19]. Однако есть и другие точки зрения. Например, определение кибертерроризма как совокупности «противоправных действий, связанных с угрозами безопасности личности, обществу и государству, деструктивными действиями в отношении материальных объектов, искажением объективной информации или другими действиями с целью получения преимущества при решении политических, экономических или социальных задач, с помощью использования специального программного обеспечения в киберпространстве» [9, с. 52]. Есть еще один вариант определения данного вида преступлений: «воздействие на компьютеры, компьютерные программы, компьютерные сети или обрабатываемую ими информацию в киберпространстве для целей осуществления или подготовки террористического акта» [10, с. 18].

Причиной отсутствия четкой формулировки этого, безусловно, актуального вида преступлений являются, в первую очередь, пробелы в законодательстве многих стран. С одной стороны, это объяснимо, ведь первые исследования проблемы киберпреступности и разработка мер стали производиться относительно недавно.

В период с 1983 по 1985 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предприняла беспрецедентный шаг по изучению преступности в киберпространстве. Результатом работы стал доклад «Преступления, связанные с компьютером: анализ правовой политики». В нем содержались выводы по анализу современного законодательства и изложены конкретные предложения по внесению поправок в него с учетом киберпреступлений. На тот момент речи именно о терроризме не шло, ОЭСР сделало выводы о недопустимости незаконного или даже неэтичного поведения в области компьютеров в целом.

В 1985–1989 гг. была разработана Рекомендация Совета Европы за номером 89, которая содержит список правонарушений, связанных с киберпреступлениями. Это были именно рекомендации странам-членам Евросоюза по внесению поправок в национальные законодательства. Целью являлась выработка единой стратегии уголовного преследования противоправных деяний в области компьютерных преступлений. В минимальный список преступлений попали действия преступников, которые подпадали под международную юрисдикцию и подлежали уголовному преследованию. Нужно сказать, что Рекомендация № 89 оказала благотворное влияние на изменение законодательства стран ЕС.

Организация объединенных наций неоднократно обращала внимание стран на необходимость борьбы с компьютерной преступностью, модернизации законодательств отдельных стран. Так, в 1995 г. был опубликован «Справочник ООН по предотвращению и контролю преступности, связанной с компьютерами», где были изложены результаты исследований деятельности преступных групп в сфере компьютерных правонарушений, а также проведен тщательный анализ законодательства в этой области.

Нужно отметить, что именно в 1995 г. было предпринято несколько важных шагов по разработке мер противодействия киберпреступности. Например, результатом работы совещания министров «большой восьмерки» по борьбе с терроризмом стала Декларация, в которой затрагивались также вопросы кибертерроризма [11].

В том же году впервые состоялась международная конференция, организованная Интерполом. Темой конференции была компьютерная преступность. Основным выводом, который был сделан ее участниками, подчеркивал обеспокоенность международного сообщества распространением киберпреступности. В частности, обращалось внимание на отсутствие эффективных механизмов противостояния киберпреступникам. Впоследствии подобные конференции стали регулярными. Более того, были созданы специальные рабочие группы в Европе, Азии, Африке и Северной и Южной Америке для изучения регионального опыта противодействия киберпреступлениям.

Год спустя все та же «Большая восьмерка» принимает пакет мер, состоящий из 40 рекомендаций по трем направлениям, одним из которых было выявление и профилактика преступлений и террористических актов, совершаемых с применением передовых технологий [12].

Предполагалось, что передовые страны разрабатывают меры противодействия преступлениям, совершаемым с помощью передовых компьютерных технологий. В том числе речь шла и о действиях террористов, использующих сеть Internet.

Однако в течение нескольких лет все меры оставались исключительно «на бумаге», невзирая на усилия членов «Большой восьмерки». Так, в течение 1997 г. прошло несколько совещаний на уровне министров внутренних дел и министров юстиции, было принято несколько документов, декларирующих необходимость изменения законодательства и совместных мер безопасности. Управление по науке, технологии и промышленности ОЭСР подготовило доклад, в котором были отмечены трудности в развитии законодательной системы, касающиеся предотвращения и наказания за преступления, совершенные с помощью компьютерных технологий.

Важный шаг в этом направлении был сделан в 1998 г., когда по инициативе нашей страны Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 53/70. Именно там речь шла не только о киберпреступности, но о кибертерроризме. О мерах противодействия данному виду преступности было упомянуто и в Договоре о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом (от 04.06.1999 г.) [13].

В 2000 г. на одном из саммитов стран-членов ЕС был принят «Электронный европейский план действия», не только призывавшего скоординировать действия внутри Европейского союза, но и предлагавший рассматривать высокотехнологические и компьютерные преступления как одну из сфер права и использовать наказания, аналогичные наказаниям за обычные преступления.

Одним из важнейших документов стала Конвенция Совета Европы о киберпреступности, принятая в 2001 г. На сегодняшний день это единственный документ такого уровня [14].

Необходимо отметить, что, несмотря на усилия, прикладываемые международным сообществом и многочисленные декларации, понятие «кибертерроризм» законодательно закреплено лишь в двух государствах — в США и Украине.

Соединенные Штаты Америки можно считать «пионером» в сфере законодательного противодействия кибертерроризму. В 2001 г. терроризм в сфере наукоемких технологий был закреплен в «Акте 2001 г.». К кибертерроризму был отнесен достаточно широкий спектр преступлений: от ущерба, нанесенного хакерами частным лицам, до вреда, причиненного государственным учреждениям [8].

Что касается нашей страны, то в 2006 г. глава государства предложил разработать глобальную стратегию по борьбе с кибертерроризмом [15]. Министерство внутренних дел активно включилось в реализацию мер по борьбе с этим видом преступности. За период 2006–2011 гг. было проведено более 20 научных конференций, в том числе и на международном уровне, основной темой которых была разработка совместных практических мер по защите граждан и государственных структур в сети Internet.

Нужно отметить, что, несмотря на все усилия, поправки в законодательство как стран ЕС, так и стран СНГ, которые помогли бы в борьбе с кибертерроризмом, так и не были внесены. И это несмотря на тот факт, что киберпреступность в целом и кибертерроризм в частности являются одним из самых значимых глобальных вызовов современности.

Помимо того, что крупнейшие террористические организации используют интернет-пространство для расширения своих сторонников, подготовки и координации актов террора, киберпреступность

приносит колоссальные убытки экономике. Так, например, в 2016 г. по признанию спецпредставителя Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности А. Крутских, убытки от киберпреступлений составили примерно \$500 млрд, что сопоставимо с 1 % мирового ВВП. В 2017 году ущерб мировой экономики от участвовавших кибератак может перевалить за 1 трлн долларов, а более долгосрочные прогнозы еще более неутешительны. При этом раскрываемость кибератак остается крайне низкой [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кибертерроризм уже сейчас приносит ущерба больше, чем организованная преступность. Являясь одним из глобальных вызовов человечеству, кибертерроризм должен быть объектом пристального внимания мирового сообщества.

Для эффективного решения проблем, связанных с киберпреступностью, необходимо решить ряд задач, среди которых можно назвать следующие. Во-первых, изменение законодательства как национального, так и международного. То есть внесение поправок в уже существующие законы, либо принятие законодательных актов, регулирующих уголовно-процессуальные действия. Для справки: на сегодняшний день в нашей стране нет законодательно оформленного понятия «кибертерроризм».

Во-вторых, необходима подготовка специальных кадров, которые специализировались бы именно на киберпреступности, то есть занимались предупреждением, выявлением и раскрытием преступлений, совершенных с применением киберпространства.

Третье обстоятельство напрямую связано с развитием чисто технических средств противодействия киберпреступности.

И наконец, четвертое направление. Создание системы координации и взаимодействия всех возможных служб противодействия кибертерроризму как внутри отдельного государства, так и на международном уровне. Также необходимо отметить, что действия против киберпреступности должны быть направлены, в первую очередь, на предупреждение подобных преступлений, путем целенаправленного воздействия на потоки информации. Только в этом случае информационная война, развязанная ведущими террористическими организациями в киберпространстве, будет прекращена.

Библиографический список

1. Курс лекций по истории для непрофильных специальностей / Под ред. О. А. Кирьяш. Омск: ИПК Макшеевой Е. А., 2013. 228 с.
2. Мурюкина Е. В. Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. Media Education. 2017. № 1. С. 198–212.
3. Новостные сообщения. URL: <http://ria.ru/world/20160527/1439834739.html> (дата обращения 10.08.2016).
4. Бураева Л. А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 131–134.
5. Denning D. E. Activism, hacktivism, and cyberterrorism: the Internet as a tool for influencing foreign policy. URL: <http://www.iwar.org.uk/cyberterror/resources/denning.htm> (дата обращения: 07.08.2016).
6. Усилинский Ф. А. Кибертерроризм в России: его свойства и особенности // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 6–11.

7. Ефремова М. А. Уголовно-правовое обеспечение кибербезопасности: некоторые проблемы и пути их решения // Информационное право. 2013. № 5. С. 10–13.

8. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism. Act of 2001. URL: <http://www.selectagents.gov/resources/USApatriotAct.pdf> (дата обращения: 26.09.2016).

9. Асеев С. Ю., Воронцов В. А. Проблема определения кибертерроризма // Общество и цивилизация. 2016. Т. 2. С. 49–53.

10. Диденко А. И. Понятие и место кибертерроризма в уголовном праве России // Отечественная юриспруденция. 2016. № 9 (11). С. 17–21.

11. Декларация совещания министров «восьмерки» в Оттаве по борьбе с терроризмом (принята 12 декабря 1995 г.). URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=15901 (дата обращения: 18.08.2017).

12. Итоговый документ совещания министров «восьмерки» по борьбе с терроризмом (Париж, 30 июля 1996 г.): сб. правовых актов. М., 1998. Вып. 10. 84 с.

13. Договор о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. URL: <http://terroristica.info/node/84> (дата обращения: 15.08.2017).

14. Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве). Будапешт, 23 ноября 2001 г. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (дата обращения: 18.08.2017).

15. Путин призвал создать глобальный фронт по борьбе с кибертерроризмом. URL: http://www.lenta.ru/05_07_2006 (дата обращения: 26.09.2016).

КОШЕЧКИНА Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент межфакультетской кафедры гуманитарных и естественных дисциплин.

Адрес для переписки: sea7helen@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.

© Е. А. Кошечкина

УДК 347+323/324+004

Е. А. КОШЕЧКИНА
С. В. НОВИКОВ

Лужский институт (филиал) ЛГУ
им. А. С. Пушкина,
г. Луга

Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМА

Статья посвящена проблемам совершенствования законодательства в сфере киберпреступности. Перечислены меры, принимаемые различными странами в целях противодействия распространению экстремизма и терроризма в сети Интернет. Особое внимание уделено законодательству РФ. Рассматриваются российская нормативно-правовая база и другие организационные меры в области противодействия кибертерроризму.

Ключевые слова: кибертерроризм, информационные технологии, киберпространство, противодействие киберпреступности.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что XXI век является веком революционно быстрого внедрения в различные сферы жизни компьютерных технологий. По статистике, за последние 15 лет количество пользователей глобальной сети Internet увеличилось примерно в десять раз. Почти половина мирового населения ежедневно активно пользуется глобальной сетью. На конец 2016 г. число пользователей составило почти 4 миллиарда человек. Конечно, большинство из них проживает в развитых странах, однако и развивающиеся государства мало отстают по активности использования информационных технологий [1].

Можно с уверенностью сказать, что информационные технологии стали частью нашей повседневной жизни. Но, к сожалению, вместе с несомненными плюсами от их использования в нашу жизнь

прочно входят и преступления, совершенные с помощью высоких технологий.

Проблемы киберпреступности охватывают все страны, являющиеся пользователями глобальной сети Internet, вне зависимости от места в рейтинге стран по числу пользователей компьютерными технологиями. Наиболее опасным видом киберпреступлений считается кибертерроризм. Однако противодействовать этому виду преступных деяний оказывается сложнее всего. Причин тому несколько. В первую очередь, несогласованность в сфере самого определения данного термина. Единого понимания того, что же такое кибертерроризм, на данный момент нет. Во-вторых, далеко не все понимают, насколько велика зависимость общества и государства от информационных технологий. Компьютерная техника используются практически

во всех сферах жизни и деятельности человека. Обычный террорист, который совершает преступление в реальной жизни, может быть смертельно опасен для значительного числа людей. Но террорист, действующий в сфере киберпространства, своими действиями может унести жизни сотен тысяч и даже миллионов людей, находясь при этом в безопасном месте. Например, получив доступ к управлению атомной или гидроэлектростанцией [2].

В связи с этим важнейшей задачей является обеспечение безопасности в сферах, влияющих на безопасность и жизнеобеспечение значительного числа людей. И в первую очередь необходимо иметь законодательную основу для противодействия кибертерроризму. Именно уголовное право страны должно находиться в авангарде борьбы по проблемам киберпреступности. Однако на практике этого не наблюдается.

Если сравнить законодательства ряда стран ЕС и РФ, то можно получить следующую картину.

В странах Центральной и Восточной Европы исследования, посвященные киберпреступности, на государственном уровне не проводятся. Исследователи и ученые данных стран изучают либо возможность совершенствования законодательства в сфере наказаний за киберпреступления, либо речь идет о характеристиках компьютерной преступности. В основном же используются работы ученых США и ЕС.

Рассмотрим более подробно ситуацию в нескольких странах Центральной и Восточной Европы. Для примера возьмем Чехию, Венгрию и Македонию.

Чешская Республика приняла в 2000 г. в соответствии с с пунктом 4 (1b) Закона № 365/2000 Coll., для защиты информационных систем государственного управления от террористической киберугрозы следующие стратегические документы. Это, в частности:

«Национальная стратегия информационной безопасности Чешской Республики».

«Концепция передачи секретной информации Государственным управлением коммуникационной инфраструктуры на территории ЧР». Документ регулирует требования по передаче информации, в особенности секретной, определенной правовыми нормами. В нем предлагается решение обеспечения доступа государственного управления к сети других стран Европейского Союза, посредством интеграции информационных систем в универсальную систему безопасности.

«Уровни защиты информационных систем, необходимые для функционирования важнейших объектов инфраструктуры ЧР».

Поправка к Закону № 101/2000Сб., о защите персональных данных и об изменении некоторых законов с поправками, внесенными более поздними законодательными актами (439/2004 Сб.), раздел 13 (2), в котором говорится, что администратор обязан документировать принятые и реализованные технические и организационные меры по обеспечению защиты персональных данных, в соответствии с законодательством и другими правовыми нормами.

«Обновленная стратегия по борьбе с организованной преступностью». Документ, разработанный Министерством внутренних дел и утвержденный постановлением Правительства Чешской Республики, от 23 октября 2000 г. № 1044.

«Стратегия борьбы с преступными информационными технологиями». Документ, также разрабо-

танный Министерством внутренних дел и утвержденный министром внутренних дел 5 июня 2001 года. Этот документ основан на результатах работы полиции в этой области [3].

В Чешской Республике киберпреступления наказуемы в качестве уголовных преступлений в рамках уголовного права в соответствии с Законом № 140/1961 Сб., Уголовный кодекс (далее «Уголовный кодекс»). Уголовный кодекс содержит статьи в отношении террористических атак, благодаря которым обеспечивается реализация шаблонного решения в борьбе с кибертерроризмом. Данные статьи применимы не только к лицам, совершающим реальное кибертеррористическое преступление, но и к лицам, угрожающим совершить террористический акт, а также которые обеспечивают финансовую, материальную или иную поддержку (т.е. распространения, утверждение террористических актов). Лишение свободы от пяти до пятнадцати лет (при определенных обстоятельствах, даже пожизненное заключение) и даже конфискация имущества может налагаться за эти деяния [4].

Более того, если вышеупомянутые примеры поведения предназначены для поддержки расового или этнического терроризма, они могут быть наказаны в соответствии со статьей о преступлении «Разжигание национальной и расовой ненависти» (статья 198 Уголовного кодекса). На конституционном уровне свобода выражения мнений предусмотрена в статье 17 «Хартии основных прав и свобод» Чешской Республики. В существующем же пункте 4 говорится о возможности ограничить свободу слова и право на информацию в соответствии с законом, принятым парламентом, если это необходимо демократическому обществу для защиты прав и свобод других лиц, государственной безопасности, общественной безопасности или для охраны здоровья и нравственности населения. Насколько известно, никаких проблем с введением антитеррористического закона по отношению к свободе слова не возникло [5].

Основные сложности по борьбе с киберпреступностью в Чехии состоят в следующем: отсутствие высокопрофессиональных кадров, специализированного оборудования (специальное сертифицированное программное обеспечение и т.д.). Лишь небольшое число сотрудников полиции (и спецслужб) получают образование в области информационных и коммуникационных технологий в целом.

Нужно отметить, что в целом, несмотря на высокий уровень киберпреступности в Чехии (и число таких преступлений неуклонно растет), именно кибертерроризм не развит. Большинство преступлений, связанных с киберпространством, выглядят следующим образом: нелегальные интернет-продажи, случаи «искусного» злоупотребления интернет-банкингом, «фишинг» (различные формы несанкционированного сбора конфиденциальных данных), использование чужих или поддельных кредитных карт и чеков. Повышение уровня распространения вредного или незаконного содержания (компьютерные программы, фильмы, музыка, запрещенные формы порнографии и экстремистские пропаганды) через Интернет не было выявлено.

В Чешской Республике в одной из немногих стран Центральной и Восточной Европы существует национальная политика по защите государства от кибертерроризма. Однако, как показывает статистика международной компании SymantecInternetSecurityThreatReport, недостаточно лишь иметь

несколько статей в законодательстве, недостаточно и наличия только национальной политики, нужно переходить к активным действиям по улучшению положения в стране за счет обучения ИТ-грамотности сотрудников служб, борющихся с преступностью (включая киберпреступность), и других шагов, которые помогут Чехии с решением проблемы кибертерроризма.

В Венгрии нет национальной политики в отношении неправильного использования, анализа, выявления, преследования и предотвращения киберпреступлений в целом, но в Уголовном кодексе есть необходимые параграфы. В Уголовном праве Венгрии оговорены разные виды терроризма, включая и некоторые киберпреступления. Злоупотребление киберпространством может быть рассмотрено в Венгрии в качестве подготовительного акта к терроризму, но и вторжение в компьютерные системы и компьютерные данные в целом (то есть без террористической цели) также наказуемо (раздел 18 Уголовного кодекса Венгрии). До сих пор, согласно статистике венгерских служб по нарушению использования виртуального пространства, не было ни одного зарегистрированного случая злоупотребления киберпространства в террористических целях. Существующая национальная политика не позволяет перехват и распространение электронной переписки — если только это не разрешено в судебном порядке [6, с. 140–146].

В Венгрии нет конкретных антитеррористических мер саморегулирования. Делегирование и изъятие доменов регулируются гражданской организацией (InternetServiceProviders' Council). Также компетентным органом по злоупотреблению киберпространством является Контртеррористическое учреждение под названием Национальное бюро Департамента по исследованию высокотехнологичных преступлений. Закон об электронных сообщениях обязывает поставщиков услуг сотрудничать с властями в целях сбора информации и доказательств в исключительных случаях и в военных целях [6, с. 140–146].

Основная проблема состоит в том, что власти Венгрии постоянно откладывают решение вопросов кибербезопасности, а именно создание полноценной национальной политики в этой области и дополнение имеющихся статей в Уголовном кодексе.

В Республике Македония кибертерроризм юридически не регулируется. Нет общенациональной политики, направленной на анализ, обнаружение, преследование и предотвращение киберпреступности и ненадлежащего использования киберпространства. Тем не менее есть определенные преступные действия, которые определены в Уголовном кодексе. В частности, был принят Закон о внесении изменений и дополнений в УК [7]. В систему правового регулирования были внесены статьи о компьютерных преступлениях.

В результате нет соответствующих национальных статистических данных о нарушениях, связанных с неправильным использованием киберпространства в террористических целях и при этом нет ни профилей преступников, участвующих в реализации этих преступных деяний, ни особенностей их организаций, ни информации о транснациональных связях или связях с другими формами организованной преступности. Национальное уголовное законодательство не включает уголовные деяния в области компьютерных преступлений, которые определяются с учетом их террористического

характера или технических средств, используемых для совершения преступления. Однако эти преступные деяния могут быть осуществлены частными лицами или террористическими организациями для достижения конкретных целей или для совершения других преступных деяний, которые предусмотрены в Уголовном кодексе.

Терроризм, как преступное деяние против государства, предусмотрен в статье 313 Уголовного кодекса, предписывающей не менее четырех лет лишения свободы для лиц, угрожающих конституционному строю или национальной безопасности, угрожающих вызвать взрыв, пожар, наводнение или другие социально опасные действия (акты насилия), создавая чувство незащищенности и страха у граждан. Интернет может быть использован для публикации вышеперечисленных угроз: вызвать взрыв, пожар, наводнение и т.д., например на веб-странице конкретной террористической организации, или путем взлома веб-страниц государственных органов, или иным способом, в попытке напугать мирных граждан, но не будет считаться совершенным преступлением. Это означает, что злоупотребление компьютером и ИТ-систем или несанкционированный доступ к веб-странице государственного органа или другого учреждения, т.е. злоупотребление кибер (виртуальным) пространством в террористических целях до сих пор не считается преступлением в национальной уголовно-правовой теории Македонии.

Статья 394-а Уголовного кодекса рассматривает преступное деяние «террористической организации» как акт против общественного порядка. Террористическая организация определяется как группа, банда или другая преступная организация, созданная для совершения преступных деяний: убийства, телесные повреждения, похищения лиц, разрушение общественных объектов, транспортных систем, инфраструктуры, ИТ-систем и других общественных структур, угон самолетов или других транспортных средств, производства и оборота ядерных вооружений: биологического или химического оружия, других видов оружия или опасных материалов, которые могут испускать радиоактивные или ядовитые вещества, и другие опасные вещества. Также подразумеваются такие преступления, как: вызов пожаров или взрывов, уничтожение водоснабжения и электростанций, других природных ресурсов, посягая на конституционный строй страны или интересы международной организации или иностранного государства [7].

В параграфе 3 настоящей статьи предписывается наказание от четырех до десяти лет лишения свободы за публичные призывы, подстрекательства к созданию террористической организации, в том числе, если это делается через Интернет в общедоступной системе, связывающей компьютерные сети по всему миру, т.е. глобальная сеть передачи данных, к которой у всех есть доступ. В смысле не кибертерроризм как таковой, а лишь передача данных о реальных террористических планах через Интернет, как способ связи между лицами, а не способ достижения цели.

Согласно своей компетенции, изложенной в Законе внутренних дел (OGRM № 19/95, 55/97, 38/2002, 33/2003, 19/2004 и 51/2005), Администрация по вопросам безопасности и контрразведки выполняет задачи, связанные с защитой от шпионажа, терроризма и других мероприятий, направленных на создание угрозы или уничтожение демократи-

ческих институтов, определенных Конституцией; а также с защитой от тяжелых форм организованной преступности. В связи с этим Администрация безопасности и контрразведки компетентна действовать против лиц, совершивших преступные деяния, которые ставят под угрозу конституционный порядок или национальную безопасность, в том числе в совершении преступного деяния под названием «терроризм», а значит, и «кибертерроризм» [3].

В связи с тем, что угроза кибертерроризма является реальной и очень серьезной, правительство должно приложить все усилия, чтобы скорее переделать законодательство под вопросы кибербезопасности, чтобы было возможно действовать против различных видов противоправных действий, связанных с использованием компьютеров и информационных технологий, которые могут представлять угрозу для конституционного порядка и национальной безопасности.

Если говорить о законах нашей страны, то, в первую очередь, нужно отметить, что, несмотря на частое употребление термина «кибертерроризм» в СМИ и даже юридической литературе, а также массе научных статей, нормативно это понятие не закреплено. В связи с чем, как уже говорилось, существует множество его трактовок, каждый автор вкладывает в данный термин что-то свое.

Ни в Уголовном кодексе РФ, ни в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. 31.12.2014) «О противодействии терроризму», ни в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», ни в постановлении Пленума ВС РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам и о преступлениях компьютерной направленности», ни в методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России) нет определения «кибертерроризма» [8–11].

Есть упоминание данного явления в «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 05.10.2009), в той его части, где речь идет о направлениях противодействия терроризму. Кибертерроризм назван в качестве одного из видов террористических угроз [12].

Поскольку законодательно «кибертерроризма» в нашей стране нет, то и меры противодействия данному виду преступности не развиты на должном уровне. В связи с этим острой необходимостью является создание некоего координационного центра по борьбе с киберпреступностью. Недавно Сбербанк России предложил создать Национальный центр кибербезопасности (НЦК). Однако здесь речь шла, в первую очередь, об обеспечении информационной безопасности на государственном уровне в рамках реализации госпрограммы «Цифровая экономика».

Предполагается, что НЦК должен стать ключевой структурой по защите страны в информационном пространстве. Он будет получать информацию от международных центров безопасности, иностранных центров реагирования на инциденты в сфере информационной безопасности (computeremergenseresponseteam, CERT), правоохранительных органов и регуляторов.

Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел РФ за 2016 г. большинство (почти 80 %) уголовных дел, связанных с киберпреступностью не дошли до суда и были приостановлены в связи с невозможностью установить личность преступника [13].

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости соблюдения ряда условий для эффективного противодействия кибертерроризму:

— совершенствование уголовного права в сфере киберпреступности, в том числе законодательное закрепление понятия «кибертерроризм»;

— создание единого центра по борьбе с преступлениями в киберпространстве, с целью оперативного обмена информацией на всех уровнях и обеспечения системности в работе всех служб, занимающихся предотвращением и пресечением киберпреступлений;

— использование передового международного опыта по борьбе с кибертерроризмом.

Библиографический список

1. Пресс-релиз. Данные по ИКТ за 2016 год. URL: http://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2016/pdf/30-ru.pdf (дата обращения: 28.09.2016).
2. Иранские хакеры взломали компьютеры ГЭС под Нью-Йорком // Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2015/12/151218_iran_hackers_us_dam/ (дата обращения: 28.10.2016).
3. Sieber U., Brunst P. W. Cyberterrorism and other use of the internet for terrorist purposes — threat analysis and evaluation of International Conventions. In Council of Europe (Ed.). Cyberterrorism. The use of the internet for terrorist purposes. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2008. P. 9–105.
4. Сборник законов Чешской Республики. Закон об уголовном судопроизводстве (Уголовно-Процессуальный кодекс). Закон № 141/1961 Coll (Zákon č. 141/1961 Sb). URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1961-141> (дата обращения: 06.09.2017).
5. Хартия Европейского союза об основных правах = The Charter of fundamental rights of the European Union. URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 28.08.2017).
6. Каршаи К., Сомора Ж. Уголовное право Венгрии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2012. № 2. С. 140–146.
7. Law on Amendments to the Law on Copyright and Related Rights (Official Gazette of the Republic of Macedonia № 4/2005). URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=16888> (дата обращения: 28.08.2017).
8. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. Российская Федерация. Законы. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. 31.12.2014). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
12. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Коломыченко М. Киберспецслужба: Сбербанк предложил создать штаб борьбы с хакерами. URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/01/09/2017/59a9799f9a7947375702db15 (дата обращения: 06.09.2017).

КОШЕЧКИНА Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент межфакультетской кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Лужского института (филиала) ЛГУ им. А.С. Пушкина.

Адрес для переписки: sea7helena@mail.ru
НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой «Управление развитием образования» Омского государственного педагогического университета. Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.
© Е. А. Кошечкина, С. В. Новиков

УДК 323.28:34

К. В. ТРОФИМОВ

Омский государственный педагогический университет,
г. Омск

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье представлен анализ междисциплинарного понятия «экстремизм» как социально опасного явления, выделены его основные признаки. Представлены и раскрыты основные виды юридической ответственности в Российской Федерации (гражданско-правовой, административной и уголовной). В заключении делается вывод о необходимости глубокой научной проработки и законодательном закреплении исследуемого понятия.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности.

Проблема экстремизма является одной из самых актуальных как во всём мире, так и в России. Дело в том, что экстремизм — это одно из самых опасных социально-политических явлений, которое угрожает не только безопасности граждан, но и ставит под вопрос существование человеческой цивилизации. Его социальная опасность обусловлена многомерным характером данного феномена, наличием целого арсенала насильственных методов, которые не укладываются в рамки морали и гуманизма. Современный ренессанс экстремизма обусловлен тем, что в XXI веке «изменились параметры международной безопасности: если раньше они были связаны с балансом военных сил, с соглашениями по ограничению и сокращению вооружений, то сегодня на первый план выходит борьба с экстремизмом, транснациональной преступностью и т.д.» [1, с. 125]. Западные авторы предостерегают схожую картину мироустройства в третьем тысячелетии: расползание международного терроризма, усиление этнических и религиозных конфликтов, рост числа беженцев до десятков миллионов (З. Бжезинский, Д. Мойниган). Защитить граждан от этого зла способно только государство. Более того, безопасность жизни граждан в обмен на их повиновение государству (по Т. Гоббсу) является основой общественного договора [2].

Власть в России осознаёт, что «экстремизм ведёт к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создаёт реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального и межконфессионального согласия» [3].

В статье 2 Конституции Российской Федерации говорится о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Данная норма выступает конституционным требованием ко всем государственным институтам для мобилизации всех правовых механизмов с целью защиты каждого человека и гражданина от посягательств на его права. А значит, государство не только может, но и обязано оградить своих граждан от экстремизма, при условии соблюдения гражданами и организациями действующего законодательства, что обуславливает актуальность его изучения.

Поэтому вначале обратимся к исследованию понятия «экстремизм». Под экстремизмом (с латинского *extremus* — крайний), в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова под экстремизмом понимается политическая категория, которая выражает «приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер (включая теракты и взятие заложников) для достижения своих целей» [4, с. 13–21]. В политическом аспекте под экстремизмом понимают склонность к крайним взглядам; использование нелегальных форм политического участия (бунт, погромы, терроризм) для достижения политических целей [5].

Как видно из литературы, экстремизм характеризуется как деяния различного вида, объединённые насильственным противоправным характером, имеющие, как правило, политический контекст. Так, например, К. О. Никонов в своем исследовании акцентирует внимание на насильственном, криминальном аспекте экстремизма. «Экстремизм

есть проявление активности, деятельность, выходящая за рамки дозволенного и связанная с применением насилия или пропагандой его» [6, с. 42].

Вместе с тем ряд исследователей отмечает не только политический, но и религиозный и националистический характер экстремизма [7].

Но, как правило, экстремизм выступает как многомерный политический феномен, основанный на взаимосвязи вышеуказанных социальных явлений, который реализуется противозаконными, насильственными методами. А.С. Скудин справедливо отмечает, что «Экстремизм — суть социальное явление, наиболее ярко проявляющееся в сфере политики» [8, с. 216]. Напомним, что и резолюция 1344 (2003) ПАСЕ характеризует экстремизм как именно политическую деятельность: «экстремизм — это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии» [9].

В подавляющем большинстве случаев экстремистские действия имеют конечную цель — завоевание власти либо, так или иначе, повлиять на государственную власть, подорвать конституционные основы страны.

Как юридическая категория впервые в новейшее время в Европе экстремизм был осмыслен французским юристом М. Лероем. Основным отличием экстремизма, по утверждению автора, является абсолютная вера его адептов в проповедуемые политические идеалы. В качестве примеров экстремизма первой четверти XX века он приводил «красный экстремизм» большевиков и «белый экстремизм» монархистов [10, с. 13]. Однако обстоятельное научное осмысление и законодательное закрепление исследуемой категории произошло намного позже.

Российский законодатель не трактует понятие «экстремизм». Однако в международных актах находим: «экстремизм — это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в этих целях незаконных вооружённых формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке» [11].

В 2003 году Российская Федерация ратифицировала Шанхайскую конвенцию, следовательно, данная дефиниция имеет юридическую силу на территории нашего государства.

Вследствие этого понятие экстремистской деятельности (экстремизма) раскрыто в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», основные положения которой конгруэнтны содержанию Шанхайской конвенции.

Так, в законе под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимается:

— насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

— публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

— возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

— пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

— нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

— воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

— воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

— совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

— пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

— публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

— публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

— организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

— «финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [12].

Из содержания данной трактовки видно, что в законе закреплён лишь перечень деяний, представляющий собой различные проявления экстремистской деятельности (экстремизма). Вместе с тем законодатель не даёт определение экстремизма, которое бы раскрывало все его существенные признаки, что затрудняет правоприменительную практику.

Для обоснования данного тезиса рассмотрим основное содержание нормативно-правовых актов РФ, регулирующих общественные отношения, возникающие в ходе противодействия экстремистской деятельности, а также виды юридической ответственности, которая возникает в результате совершения данного противоправного деяния.

Законодатель, формируя правовую базу, отталкивается от конституционных норм, как основных регуляторов общественных отношений. Так, в статье 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничений прав

граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Вместе с тем Конституция РФ в статье 29, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

В Конституции содержится прямой запрет экстремистской деятельности (см. статью 13 п. 5, которая запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни). Вышеизложенные конституционные нормы и международные договоренности, ратифицированные Российской Федерацией, выступают юридическим основанием для формирования правовой базы, предусматривающей ответственность за правонарушения экстремистской направленности (экстремизм).

Исходя из этого за осуществление экстремистской деятельности граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Применение гражданско-правовой ответственности связано с тем, что результатом экстремизма зачастую становится имущественный (материальный) и моральный вред. Материальный вред связан с имущественными убытками (потеря прибыли, уничтожение вещи и т.д.). Моральный вред более связан с нематериальными убытками (распространение сведений, порочащих деловую репутацию и т.д.). Имущественный вред может возмещаться путём предоставления вещи того же рода и качества, исправления повреждённой вещи — возмещение вреда в натуре. Вместе с тем в случае, если данная норма неприменима, суд, учитывая все обстоятельства совершённого правонарушения экстремистского характера, вправе применить к виновному другой вид санкции — возмещение причинённых убытков [13].

Суд учитывает мнение потерпевшего, который, как правило, заинтересован именно в возмещении причинённых убытков. Более того, возмещение в натуре вреда, причиненного жизни и здоровью потерпевшего, невозможно (ст. 1084 ГК РФ).

Например, если в результате экстремистской деятельности получил повреждение торговый павильон предпринимателя, и, как следствие, это привело к прекращению торговли в течение трёх дней. В данном случае ущерб будет состоять из стоимости ремонта торгового павильона и прибыли, не полученной предпринимателем (упущенная выгода).

Статья 1064 п.1 ГК РФ гласит: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред» [14].

Что касается морального вреда, причиненного гражданину в результате экстремистских действий (унижение чести и достоинства вследствие разжигания религиозной либо национальной розни).

Гражданско-правовая ответственность наступает в данном случае на основании статей 151 и 1099.

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. В этой связи в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в ред. от 6 февраля 2007 г.) отмечается, что «моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.».

Обязательным условием возникновения права на возмещение морального вреда является причинная связь между зафиксированными страданиями гражданина и нарушением личных неимущественных его прав либо посягательством на принадлежащие ему другие нематериальные блага. Размер компенсации определяет суд, учитывая мнение пострадавшего.

Рассмотрим основания наступления административной ответственности за действия экстремистского характера (экстремизм).

Административная ответственность наступает за совершение административного правонарушения, т.е. противоправного деяния, характеризующегося более низкой общественной опасностью, чем преступление. Исходя из данного тезиса, Кодексом об административных правонарушениях РФ устанавливается юридическая ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций (ст. 20.3 КоАП РФ). Под нацистской атрибутикой и символикой законодатель понимает знамена, значки, атрибуты униформы, иные отличительные знаки, приветствия и приветственные жесты. Также административно наказуемым является и сбыт, изготовление или приобретение с целью сбыта такой символики.

Символика экстремистской организации — официально зарегистрированная символика организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Производство и распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения (ст. 20.29 КоАП РФ).

Экстремистские материалы — это документы либо информация на иных носителях, которые при-

ности. К подобным материалам относятся труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство, публикации, оправдывающие совершение преступлений против какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Субъектами исследуемого правонарушения могут быть граждане, должностные и юридические лица [15].

Далее обратимся к рассмотрению уголовной ответственности за осуществление экстремистской деятельности (экстремизма).

Конкретизируя конституционные нормы и международные договорённости, законодатель предусматривает и уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности (экстремизма).

Субъектом преступления может быть любое лицо, достигшее 16 лет, гражданин РФ, иностранный гражданин либо лицо без гражданства.

Статьей 280 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, в том числе в сети Интернет; согласно ст. 282 УК РФ за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства предусмотрена уголовная ответственность (обязательные либо исполнительные работы и т.д.).

Пункты 1, 2, 3 статьи 282 УК РФ содержат санкции за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; за организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности; за финансирование экстремистской деятельности. Данными нормами предусмотрены различные виды уголовной ответственности за экстремизм (штраф, принудительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы и т.д.).

Таким образом, рассмотрев вопросы, связанные с юридической ответственностью за экстремизм, можно сделать следующие выводы. Экстремизм, как угроза конституционному строю, является одной из самых главных социально-политических проблем современной России.

Необходимость эффективного противодействия экстремизму побудила законодателя к формированию адекватной нормативно-правовой базы, которая предусматривает гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность за правонарушения экстремистской направленности.

Вместе с тем общественная опасность экстремизма остаётся достаточно высокой. Поэтому существует реальная потребность в научном осмыслении и тщательной юридической проработке таких понятий, как «экстремизм», «экстремистская деятельность», «содействие экстремистской деятельности» и т.д., а также законодательное закрепление данных категорий.

Библиографический список

1. Василенко И. А. Политическая философия. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2010. 320с. ISBN 978-5-16-003619-9.
2. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Тюттерман. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с. ISBN 978-5-386-09587-1.
3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г. Пр-2753. URL: <http://sudact.ru/law/strategiia-protivodeistviia-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (Дата обращения: 06.09.2017).
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 26-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, 2008. С. 1321.
5. Новейший политологический словарь / Авт.-сост.: Д. Е. Погорельский, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 265. ISBN 978-5-222-16671-0.
6. Никонов К. О. Проблемы определения экстремизма // Юридический мир. 2011. № 7. С. 42.
7. Тамаев Р. С. Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество // Законность. 2007. № 6. С. 57.
8. Скудин А. С. Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 216 с.
9. Рекомендация ПАСЕ от 04.10.2005 № 10705 «European Muslim communities confronted with extremism». URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=11168&lang=EN> (дата обращения: 06.09.2017).
10. Макаров Н. Е. Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2006. С. 13 – 14.
11. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
12. Российская Федерация. Законы. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002. № 114-ФЗ. Ст. 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. Ст. 15. Возмещение убытков: Федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
14. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. Ст. 1064. Общие основания ответственности за причинение вреда: Федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
15. Российская Федерация. Законы. Кодекс об административных правонарушениях РФ. Ст. 20.3. Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены. URL: <http://www.kodap.ru/razdel-2/glava-20/st-20-3-koap-1f> (дата обращения: 06.09.2017).

ТРОФИМОВ Константин Викторович, старший преподаватель кафедры «Управление развитием образования»; аспирант кафедры «Правоведение, государственное и муниципальное управление»; соискатель по кафедре «Социальная педагогика и социальная работа».

Адрес для переписки: ya.trofimov-k@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.

© К. В. Трофимов